

ИНТЕРВЬЮ с д.и.н. МЕЛИХОВЫМ Г. В.

*Проект выполнен при поддержке гранта РГНФ № 12-21-10000
«Китаеведение – устная история»,
Международный конкурс РГНФ - Национальный научный совет Тайваня (ННС)*

Interview with Dr. GEORGY V. MELIKHOV

*The Project is supported by RHSF Grant № 12-21-10000 «Sinology – the Oral History»,
International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council (Taiwan)*

<p>Мелихов Георгий Васильевич (ГМ)</p> <p>Китаевед, д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт русской истории РАН</p> <p>Специалист по истории русско- китайских отношений в XVII-XX вв.</p> <p>Дата: 14 апреля 2012 г. Место: г. Москва Вёл интервью: Головачёв В. Ц. (ВГ) Сноски: ВГ кин, снс, отдел Китая ИВ РАН Продолжительность: 4 часа Объём: 2,49 а. л. 55,3 страниц со сносками <i>по 1800 знаков с пробелами (99560)</i></p>	<p>Georgy V. Melikhov Sinologist, Full Doctor (History) Leading Research Fellow, Institute of the Russian History (Russian Academy of Science) Expert on History of the Russian- Chinese relations during the XVII-XX Date: April 14, 2012 Place: Moscow Interviewed by: Valentin C. Golovachev, PHD (History), Senior research Fellow, IOS RAS Footnotes: Valentin C. Golovachev Duration: 4 hours Volume: 55 pages, footnotes included</p>
---	--

Аннотация к содержанию интервью:

Георгий Васильевич Мелихов (1930.06.14, Харбин). Крупный российский историк-китаевед, доктор исторических наук (1986), ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Родился в семье инженера, строителя КВЖД. Учился в Лицее Св. Николая в г. Харбине, Харбинском политехническом институте. В 1950-1955 гг. преподавал русский язык в Пекине, в Народном и Пекинском университетах. По возвращении в СССР в 1955 г. работал на целине, окончил в 1964 г. Институт восточных языков при МГУ, был внештатным переводчиком ряда центральных издательств Москвы («Гослитиздат», «Географгиз», «Детгиз», «Молодая гвардия» и др.). В 1959-1970 гг. – сотрудник Института китаеведения (ИВ) АН СССР, в 1970-1980 гг. работал в ИМЭМО АН СССР, а затем становится ведущим научным сотрудником ИИ СССР (ИРИ РАН). С 1984 г. является действительным членом Русского географического общества, а с 1993 г. – председатель Ассоциации «Харбин (Москва)». Автор книг: Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991 (2-е изд., М., 1994); Российская эмиграция в Китае (1917–1924), М., 1997, а также многих других монографий и статей. Специалист по истории русско-китайских отношений в

XVII-XX вв., истории российской эмиграции на Дальнем Востоке, истории Маньчжурии и Приамурья в период династий Мин (1369-1644) и Цин (1644-1912).

Полный текст интервью:

ВГ: Добрый день, уважаемый Георгий Васильевич!

ГМ: Здравствуйте!

ВГ: Вот, прежде чем приступить к работе, позвольте передать Вам на память текст интервью с Юрием Мисаковичем Гарушянцем,¹ с которым Вы когда-то вместе работали.

ГМ: Да, мы были очень похожи с ним по характеру!

ВГ: Похожи?! Мне кажется, что Вы не очень похожи, у Вас несколько более мягкая манера общения.

ГМ: Ну, это не так. Мои деды происходили из казаков, и всё оттуда идёт. Поэтому характер у меня очень нетерпеливый был. Но, видишь ли, в чём дело, я научился свой характер сглаживать. Потому что иначе было бы просто невозможно в Советском Союзе жить.

ВГ: Времена были действительно такие, что нужно было уметь сдерживаться.

ГМ: Да, и я всё это сумел. Вы не можете себе представить, что мне пришлось пережить здесь!

ВГ: Я тут почитал Вашу книгу «Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке».² Среди многих интересных иллюстраций увидел фотографию «старостата» Харбинского политехнического института за 1924 год. На этом фото, в числе прочих студентов, запечатлён некий Мелихов. Это Ваш однофамилец, или это родственник?

ГМ: Это отец.

ВГ: Вы пишете в своих воспоминаниях о том, что Ваш отец работал на КВЖД.³ Когда Ваша семья приехала в Китай? Наверно, это было ещё до Октябрьской революции и последующей волны «белой» эмиграции в Китай?

ГМ: Да, давно, и даже очень... Когда строительство КВЖД ещё только начиналось, в Маньчжурию приехали оба моих деда. Дед со стороны матери, Пётр Павлович Меньшиков, обосновался примерно в районе Хайлара. Дед со стороны отца, Георгий Яковлевич Мелихов, поселился в Бухэду, на другой стороне Большого Хингана. Станция Бухэду – это Западная линия КВЖД, курортная местность у отрогов Большого Хингана. Оба они жили преуспевающе, потому что была «рабочая косточка». Они не чуждались

---

¹ Гарушянц Юрий Мисакович (1930-2012). М.р.: Баку. Китаевед-историк. Окончил МИВ (1953). К.и.н. (1969). Научный сотрудник Института китаеведения (1957-1961), Института востоковедения (1961-1962 и с 1978), ИМРД (1969-1973), ИМЭМО (1973-1978) АН СССР. Автор более 120 научных работ. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

² Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925-1932). – М., 2007. 320 с.

³ КВЖД – Китайская-Восточная железная дорога. Проходила по территории Маньчжурии и соединяла Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Построена в 1897-1903 гг. как южная ветка Транссибирской магистрали. Принадлежала России и обслуживалась её подданными. В 1924 г. возвращена СССР. Передана КНР 31 декабря 1952 г.

никакой работы и были просто очень богатыми, состоятельными людьми. Можно сказать, что все тогда были богатые. Потому что в тех местах иметь сотню овец – это был мизер. Живущие рядом монголы пасли овец, принадлежавших тем, кто работал при КВЖД. В общем, жили очень хорошо, дружно. Мой отец родился в 1903 году в Харбине. Потом, через много лет, отец выделился из Бухэду и переехал в Харбин, где поступил в Харбинский политехнический институт (ХПИ),⁴ стал харбинцем. Окончил этот блестящий институт, инженерно-строительный факультет, и был прекрасным Инженером путей сообщения. К моменту окончания института в Харбине ему было уже около 25 лет.

ВГ: Какой работой занимался Ваш отец?

ГМ: Он был строителем-железнодорожником. Работал на разных дорогах, работал вместе с Б.В. Остроумовым⁵ на Хухайской дороге. Сам проектировал дороги в районе Чола, и так далее. Там я и родился 14 июня 1930 года, в Харбине, в полной хорошей семье.

ВГ: А где и когда он познакомился с Вашей мамой?

ГМ: Познакомился ещё в Бухэду. Бухэду, как я уже говорил, это крупный железнодорожный узел на восточном склоне Хингана, с оборотным депо, перед самым подъемом на Большой Хинган. Там поездам давалась двойная тяга, были сдвоенные паровозы. И, главное, там был хороший персонал, были лучшие железнодорожники. Мои родители сначала познакомились в Бухэду. Потом отец учился...

ВГ: То есть, Ваши родители были земляками.

ГМ: Они не были земляками, но жили очень близко друг от друга, по разным склонам Большого Хингана. Бухэду был на восточном склоне Хингана, а дед мой по матери жил на западном, в районе станицы Хунхульди. Это был чисто казачий посёлок. Никого из иностранцев в нём не было. Там и жила вся семья: Бабушка Вера Васильевна, дочери Вера, Надежда, Любовь,⁶ сын Алексей (любимый дядя Алёша) ... То есть, все мои тётки – они оттуда. Потом мать уехала в Бухэду, там познакомилась с отцом. Затем они перебрались в Харбин и поженились. Отец мой – самый дорогой для меня человек: ему я обязан всем. Мать была, конечно, не менее дорогой, любимой. Она всегда заботилась обо мне, всё делала для меня и ради меня, потому что я был её единственным сыном, как «свет в окошечке». Но всё это было до 1941 года, когда мои мать и отец развелись. Отец работал потом в Мукдене и Чанчуне. А мать тоже уехала в Мукден, вышла там замуж, тоже хорошо, и всё время за мной следила, меня поддерживала.

ВГ: После развода Вы остались жить с мамой?

ГМ: В 1940 году нам с мамой пришлось вернуться в Харбин. На семейном совете было решено: я должен поступить в закрытое учебное заведение –

---

⁴ Харбинский политехнический институт (ХПИ). Основан в 1920 г. Один из лучших технических вузов Китая

⁵ Остроумов Борис Васильевич (?-?). Инженер. Управляющий КВЖД в 1921-1924 гг.

⁶ Мама Г.В. Мелихова, Любовь Петровна, родилась в 1907 г. в Чите

знаменитый Лицей Св. Николая,⁷ находившийся в ведении Русской Католической Епархии.⁸ Почему в этот лицей? Это было одно из самых лучших учебных заведений в Харбине того времени, и вместе с тем – интернат, воспитанники которого жили на полном пансионе. До этого я с 7 до 11 лет был на семейном воспитании, учился и воспитывался дома. Меня учила мать, учил отец (очень оригинально) и ещё кто-то из авторитетных, дорогих и приятных членов русской колонии в Мукдене. В общем, это было хорошее домашнее образование. А потом я готовился, держал экзамены и поступил в этот лицей, который, как я теперь понимаю, был одной из лучших школ не только в Китае, но и в мире. Достаточно сказать, что нам преподавали шесть языков!

ВГ: Какие это были языки?

ГМ: Церковно-славянский, русский, китайский, японский, английский и – обязательно – латынь. Но это лишь одна сторона учебы. Преподавали нам изумительные учителя, священники-христиане, которые имели учёные степени и высокие священнические саны, уроженцы западной Европы, в основном из Белоруссии и приграничных районов Польши. Своё высшее образование они получили в Петербургском университете, в польских университетах, в Риме, Париже. И приходили к нам преподавать (смеётся) ... арифметику.

Руководители лицея подобрали и очень хороший коллектив преподавателей-мирян из Харбина, большинство из которых имели опыт работы в России. Напомню только одно имя – Виктор Всеволодович Власов фон Вальденберг, автор книги «Русская история», потрясающий человек.⁹ Все педагоги были глубоко воспитанными людьми. Они создавали атмосферу! Дисциплина была строгая, но не было никакой муштры. В тех условиях они проводили с нами огромную работу по развитию знаний, навыков, способностей! Помимо учёбы устраивали всевозможные игры, шарады, – у нас был целый комплекс развивающих игр. И, конечно, во главе воспитания стоял спорт. Лицейские всегда были лучшими спортсменами города Харбина.

---

⁷ Действовал в Харбине в 1929-1948 гг. Полное название – Русский Католический лицей Св. Николая – получил в 1933 г. Инициатором его организации был архимандрит о. Фавиан, с благословения Папы Пия XI. Лицей размещался в отдельном здании в Модягоу (район Харбина). Курс 8-летнего обучения базировался на учебных планах классических лицеев царской России. Основные идеи: повышенный уровень образования и строгая дисциплина. После архимандрита Фавиана директором лицея стал в 1939 г. архимандрит Андрей Цикото (1891-1952), в 1917 г. окончивший католическую Петроградскую духовную академию. Воспитанниками лицея были православные дети и юноши, которые посещали церковные службы на русском языке, говели и причащались в Св. Николаевском соборе

⁸ Церковь восточного обряда (униаты). Была создана для католиков, практикующих византийско-славянский обряд на территории России и для русских византокатоликов в эмиграции. В её рамках было создано два апостольских экзархата (оба в настоящее время без иерарха): в России (1917), в Харбине (Китай, 1928).

⁹ *Власов фон Вальденберг В. В. (?-?)*. Полковник, жил в эмиграции в Китае. Педагог, историк. Секретарь Лицея Св. Николая в Харбине, автор учебных пособий по истории России. Автор книги: *История России (862-1920)*. – Харбин: Издание Католического Вестника, 1936. Вместе с супругой Анной Михайловной Наам стал католиком византийского обряда. Был арестован в 1948 г., депортирован в СССР, где подвергся репрессиям и погиб

В этой среде я и рос. Всё, что я сумел потом сделать, было сделано за счёт дисциплины, за счёт Лицея. Всем этим я обязан Лицею!

ВГ: Как долго Вы учились в этом Лицее?

ГМ: Я учился в лицее до 1947 г. Отец абсолютно правильно считал, что мне нужно окончить учёбу с советскими документами. Поэтому я перешёл в Третью полную среднюю школу, как она тогда называлась. При этом «выиграл» целый год, окончив её в 1948 г. Школа находилась в здании бывших коммерческих училищ, где раньше учился и мой отец.

ВГ: Мы часто задаём участникам проекта, героям наших интервью, вопрос о том, когда и как они впервые услышали или узнали, что существует такая страна, как Китай. Но нет никакого смысла задавать такой вопрос Вам, потому что Вы родились в Китае.

ГМ: Я, наверно, родился со словом Китай на устах и усвоил это слово если не со дня своего рождения, то где-то очень близко от него. Китай был всегда рядом. Это была огромная страна, рядом с нами жили китайцы – великолепный народ.

ВГ: В какой момент Вы всё же почувствовали и осознали, что Вы – русский человек, который живёт в Китае. Или Вы не отделяли себя от китайцев?

ГМ: Такого ощущения у меня никогда не было. Я всегда осознавал, что я русский – это точно. Но всё моё окружение было китайским. Это было абсолютно нормально и естественно. Китайцы всегда окружали нас заботой и вниманием. Конечно, я знал, что это такая страна – Китай.

ВГ: То есть, хоть Вы и родились в Китае, у Вас всё же была русская идентичность. В таком случае, как Вы воспринимали далёкую Россию, которую никогда не видели?

ГМ: По своей крови я – русский. Мой дед приехал из России. Дома всегда можно было слышать разговоры о величии моей страны, её замечательной истории и культуре. Вот, таким образом, исподволь, совершенно незаметно, на этих разговорах я стал глубоким патриотом России. Настоящим патриотом России! Хотя мы об этом в семье никогда не говорили.

ВГ: Но при этом о самой России Вы узнали заочно. То есть, это было заочное знакомство с родиной ваших предков?

ГМ: Да, заочное. Хотя слово «заочное» мне не нравится, оно в данном случае неточно. Ведь дед-то родной, Мелихов, был русским! С другой стороны – тоже родной дед был русским. Один приехал в 1898 году. Другой – в 1899 году, может быть. Они всю жизнь прожили в Маньчжурии. Но при этом всю жизнь прожили практически в местной русской среде.¹⁰

ВГ: Были ли у Вас китайские друзья, друзья детства?

ГМ: Конечно, конечно были! Было и много старших китайских друзей, которые заботились обо мне, как маленьком мальчике, всегда угощали какими-то лакомствами, что было очень приятно. Корейцы у нас тоже жили в Маньчжурии – «русские» корейцы.

---

¹⁰ Жизнь дедов и родителей Г.В. Мелихова в Маньчжурии подробно описана в книге: Г.В. Мелихов. Белый Харбин: Середина 20-х. – М.: Русский путь, 2003.

ВГ: Как Вы общались с китайцами?

ГМ: Мы с ними общались в основном на русском, китайском и на ломаном русско-китайском языке. Но общались мы прекрасно без всяких переводчиков! Равно как и с маленькими японцами. Когда мой отец жил в Чанчуне, в Синьцзине («Новая столица» это тогда называлось),¹¹ там уже поселились японцы (японские поселенцы). В районе Куаньчэнцзы, он строил одно из зданий министерства иностранных дел нового государства Маньчжоу диго. И там я жил рядом с японцами, с япончатами, с которыми мы особо не дрались. В общем, дружили и играли, собаки у нас были общие... Поэтому я нахватался там «с ходу» ещё и японских слов.

ВГ: То есть, детство у вас было интернациональное: Вы дружили и с русскими, и с китайцами, и с японцами.

ГМ: Да, это был в хорошем смысле слова «интернационал». Ненавязчивый и естественный. В результате, я неплохо говорил по-японски. На китайском я говорил гораздо меньше. Отец меня не воспитывал, не подталкивал к усвоению китайского, но сам говорил очень хорошо.

ВГ: Я как раз хотел поинтересоваться, как складывались Ваши личные отношения с китайским языком?

ГМ: С китайским языком? С его изучением я впервые соприкоснулся в Лицее, где у нас были преподаватели китайского языка: господин Василевский и Т. А. Морев. Они не были выдающимися китаеводами.

ВГ: А были ли преподаватели-китайцы, как носители языка?

ГМ: Китайских преподавателей не было как-то.

ВГ: Легко ли было учить китайский язык, нравился ли он Вам тогда?

ГМ: Он не приводил меня в восторг. Потому что русская среда была сильна. Не было особой потребности и особого интереса тогда ещё не было. А, вот, когда я окончил школу и поступил в ХПИ (под влиянием отца, который был инженером путей сообщения и, конечно, хотел, чтобы я тоже пошёл по этой линии), то у нас там был замечательный педагог. Он запал мне в душу, и я запомнил его на всю жизнь. Китай и китайский язык у меня во многом ассоциируется с ним, потому что в наше студенческое время мы много увлекались спортом, по-своему «разгильдяйское» это было время. И, вот приходит на урок человек среднего возраста, в тёмном костюме с галстуком, подтянутый, смуглый, такой блестящий «дэнди» с исключительно благородными манерами, который великолепно говорит по-китайски и объясняет нам всякие китайские премудрости. Этот человек, звали его Глеб Иванович Разжигаев,¹² глубоко запал в моё сердце, как китаевед, который, видимо, хорошо знает Китай, потому что «дышит» Китаем. Он явился к нам «из того соседнего китайского мира», запросто повсюду разговаривал с

---

¹¹ В 1932-1945 гг. Чанчунь под названием Синьцзин (в переводе: «Новая столица») являлся столицей марионеточного государства «Маньчжоу-го», созданного японцами в Маньчжурии.

¹² Разжигаев Глеб Иванович (1913-1994). Китаевед. Окончил в Харбине Институт ориентальных и коммерческих наук (ИОКН), выполнял переводы с китайского языка. Член Кружка востоковедения, секции археологов натуралистов и этнографов Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов. Автор научных работ о быте маньчжур.

китайцами. В то время у нас в ХПИ уже образовался восточно-экономический факультет, где кафедру китайского языка возглавлял Ипполит Гаврилович Баранов.¹³ Это был тоже глубокий знаток Китая, всех китайских обычаев и реалий – настоящий китаевед. Правда, сам я тогда как-то наладился «в техническую сторону», поэтому мало контактировал с китаеводами с восточно-экономического факультета.

ВГ: Когда же у Вас проснулся настоящий интерес к Китаю?

ГМ: Я был уже студентом второго курса электромеханического факультета ХПИ, когда у меня установились хорошие отношения с харбинским обществом китайско-советской дружбы. Они устраивали разные мероприятия, с ними я также стал заниматься китайским языком, и они сделали для меня особенно великое дело. Это общество пригласило небольшую группу, меня и ещё примерно с десятков молодых харбинцев, поехать в Пекин для обучения китайских студентов русскому языку. В Пекине я побывал впервые ещё в 1938 году, мы ездили туда всей семьёй. В студенческие годы я уже много знал о Пекине, и эта возможность меня, конечно, очень заинтересовала. К тому же, в 1949 г. произошло очень серьёзное событие, образовалась Китайская Народная Республика. К моему удивлению, отец исключительно терпимо отнёсся к известию о том, что я не пойду по его стопам, перестану учиться в ХПИ, в техническом вузе. А вместо этого уеду в Пекин, чтобы заниматься там интересующим меня делом. В итоге, в самом начале 1950 года, в январе, я уехал в Пекин и прожил там 5,5 лет. Это был очень интересный период, во время которого я с утра до вечера по собственной инициативе «безумно» занимался изучением Китая и китайским языком. Собственно, в Пекине я и стал «наполовину» китаеведом.

ВГ: То есть, Ваш настоящий интерес к изучению Китая и китайского языка проявился уже в Пекине?

ГМ: Во-первых, мне нравился сам Пекин тех лет. Такой старый, спокойный город. От первого приезда в 1938 году остались в памяти прохлада торгового пассажа на Ванфуцзине, выставленные на прилавках антикварных магазинов всевозможные старинные вещи, какая-то необычная атмосфера... Но я, конечно, не очень помнил тот визит. Поэтому второе свидание и знакомство с Пекином стало для меня «по-настоящему первым». И я был просто восхищён. Мы бродили по всему городу, наблюдали и слушали пекинцев, которые говорили на очень хорошем, певучем и красивом китайском языке. Люди выглядели довольно беззаботно, хотя обстановка была ещё не очень спокойная. Запомнился один мой большой друг, военный, с которым мы также вместе занимались китайским и русским языком. Когда я однажды спросил, не боится

---

¹³ Баранов И.Г. (1886-1972). Китаевед, выпускник Восточного института во Владивостоке (1911). Был направлен в Харбин, много лет служил переводчиком на КВЖД, затем преподавал китайский язык на Юридическом факультете и в других учебных заведениях Харбина. Автор ряда работ по духовной культуре Китая. Одну из них (По китайским храмам Ашихэ. – Харбин, 1926) он подарил Н.К. Рериху, посетившему в 1934 г. Харбин. После возвращения на родину И.Г. Баранов, как и многие бывшие харбинцы, жил в Казахстане. Умер в Алма-Ате в 1972 г.

ли он ходить в одиночку по вечернему городу, он ответил, что не боится и достал из-за пазухи большой маузер. Этот друг потом погиб в Корее, куда был послан в качестве китайского народного добровольца в годы Корейской войны.¹⁴

ВГ: Кто преподавал Вам китайский язык в Пекине?

ГМ: Кто только не преподавал! Прежде всего – кадровые работники и преподаватели Народного университета Китая 中国人民大学, куда мы приехали с группой. Они приходили ко мне «в три смены», учили меня китайскому, а я учил их русскому языку. Это были люди в возрасте, ганьбу, военные. И студенты ходили толпой, которую там, конечно, как-то регулировали. Все они приходили ко мне домой, и мы тоже всё время занимались языками. Плюс к этому, я вышел на улицу. Я уже стал разговаривать по-китайски и даже с этим «ограниченным» языком чувствовал себя просто как рыба в воде. А потом узнавал всё больше и больше. Иероглифы учил очень старательно, писал их длиннейшими столбцами на бумаге. Потом переворачивал бумагу и старался их запомнить. А произношение, разговорная речь мне давались легче. Пекинский северный диалект позволил намного облагородить мой «харбинский» китайский и, в общем, всё получалось неплохо...

В Народном университете Китая я проработал 1,5 года. Всё это время мы жили в общежитии, расположенном в старой части города, в переулке Мадажэнь – Дунсы Мадажэнь хутун. Это были несколько дворов и двориков, сообщающихся друг с другом. Условия были очень хорошие. К нам был прикомандирован повар-китаец, который кормил нас по-китайски и часто готовил очень вкусные китайские пельмени... Со временем я незаметно вырос в очень хорошего преподавателя. Сказались живость характера, язык, знания, уважительное отношение к ученикам. Все они были намного старше меня, те мои ученики – в большинстве своём военные и кадровые работники.

ВГ: В те годы вскоре после образования КНР и горячей дружбы с СССР изучение русского языка, наверно, пользовалось огромной популярностью.

ГМ: Да, конечно. Были потом и студенты, которые поехали учиться в СССР. Но я говорю о кадровом составе первых курсов Народного университета, на которых учились взрослые, более старшие люди. Среди них было много военных, ветеранов войны. И все они изучали русский язык. А мне очень нравилось преподавание. Видимо, были у меня какие-то определённые способности, потому что я просто завораживал своих учеников, пользовался у них успехом. Между нами была огромная симпатия. Я учил их русскому языку, они меня – китайскому языку и знанию Китая. Всё это было очень дружно и прекрасно. Но, проработав 1,5 года, я имел наглость заявить декану, что я хочу учиться в этом Народном университете. Китайские коллеги были очень смущены, потому что это была слишком непривычная просьба со стороны молодого преподавателя. После долгих разговоров и обсуждений они сказали, что это невозможно. Тогда я сказал им, извините, но я перейду в другой

---

¹⁴ Корейская война – война на Корейском полуострове 1950-1953 гг.

университет. И перешёл в Пекинский университет (Бэйда), в центр Цао Цзин-хуа.¹⁵ Это был замечательнейший человек, переводчик художественной литературы, большой знаток своего дела. У него была располагающая внешность, мягкость в обращении, широкое улыбочивое лицо. Цао Цзин-хуа заведовал факультетом русского языка в Бэйда. В Пекинском университете я тоже преподавал блестяще. Извините, что я так о себе самом говорю. Но получалось действительно очень хорошо, без всякого напряжения с моей стороны. Все мои ученики говорили, что я «хэнь жэсинь», то есть, «с горячим сердцем», очень воодушевлённо занимаюсь своим делом. И тогда это, видимо, очень нравилось, импонировало людям. В то время у нас уже появились советские специалисты, работали несколько преподавателей. Профессор Чивикова Татьяна Николаевна, приехавшая из Ленинграда, сказала мне как-то: «Если Вы не станете преподавателем, то Вы погубите свой талант!» Мне было очень приятно это слышать, хоть это и были просто слова. В Бэйда у нас были великолепные условия для преподавания. Жил я тогда в районе Дундань, в восточной части Пекина, и раза три в неделю ездил через весь город на велосипеде в Бэйда, чтобы отвести там свои часы. А потом возвращался домой таким же образом. Многие удивлялись тому, что человек живёт в Дундань и ездит через весь город в Бэйда.

ВГ: В те годы кампус Бэйда был даже не в городе, а где-то за окраиной!

ГМ: Естественно. Но мне эти поездки доставляли удовольствие. И не были никаким обременением. С Цао Цзин-хуа у меня сложились очень душевные отношения. Потом я также познакомился с его дочерью Цао Су-линь, которая родилась в Советском Союзе, и несколько раз был в Пекине её в гостях.

В какой-то момент тот же Цао Цзин-хуа предложил мне вести вечернюю школу русского языка для кадровых работников в министерстве культуры КНР (вэньхуа бу). Пришёл я в эту школу и тоже им всем понравился. Масса друзей у меня там появилась. Но все они, видимо, потом погибли или были репрессированы в годы «культурной революции».

Спрос на русский язык был тогда очень большой, я был очень активен и подружился с высокопоставленными китайскими военными, которые пригласили меня и мою супругу преподавать русский язык в подразделение горюче-смазочных материалов при Главном тыловом управлении НОАК¹⁶ (цзун хоу цинь ю ляо бу). Это был примерно двухгодичный курс. Он запомнился великолепной услугой. При этом они так по-царски расплатились с нами, просто диву даёшься! Не знаю почему, но невозможно передать – в десяток раз больше того, что я получал в университете. Это самые интересные события тех лет...

---

¹⁵ Цао Цзин-хуа (1897-1987). Известный переводчик и популяризатор русской литературы в Китае. В 1921 г. был направлен на учёбу в Москву, в КУТВ. В 1924 г. окончил русское отделение Пекинского университета. После 1927 г. преподавал в КУТК им. Суть Ят-сена в Москве, преподавал китайский язык в Ленинградском университете (1928-1933). После образования в 1949 г. КНР долгие годы был деканом факультета русского языка Пекинского университета. Почётный доктор ЛГУ (1987).

¹⁶ НОАК – Народно-освободительная армия Китая.

ВГ: Но, ведь, Вам было в то время всего лет двадцать с небольшим! И Вы были уже не только опытным, активным преподавателем, но, к тому же ещё и жениться успели!

ГМ: Да, к тому времени я женился, в 1952 году. Мне было 22 года уже, и я женился, влюбившись в изумительную женщину, Таисию Васильевну Тешину. Тешина – была её девичья фамилия. Она была харбинкой, но уже много лет жила в Пекине, и тоже преподавала русский язык в академии при главном управлении тыла.

ВГ: А где же вы познакомились?

ГМ: Мы познакомились в Советском клубе. У нас в Пекине был свой Советский клуб с великолепной художественной программой, где постепенно, по мере приезда в город новых людей, собиралось всё больше народу. Там мы и познакомились. Очаровательная, замечательная женщина, которую я помню всю жизнь, и перед которой буду всегда преклоняться. Светлая женщина! Она стала моей женой, и в мае 1955 года мы вместе с ней уехали в Советский Союз. Но до мая 1955 года происходило ещё много всяких интереснейших вещей. У нас был в то время небольшой коллектив, в котором все старались заниматься китайским языком. Но далеко им было до меня! Я очень активно учился, тянул всю эту учёбу это «как вол», и интерес у меня был огромный. Интерес этот был не на пустом месте. Потому что я посетил в то время, наверно, все пекинские храмы и парки. Посещал со своими студентами и без студентов, «самотёком». Конечно, огромное впечатление производили все эти храмы, парки, дворцы, Запретный город... Старинные здания, пекинские «хутуны»-переулки. Всё это было безумно интересно! Я заходил в какой-нибудь переулок, заводил общий приятный разговор с его жителями и уходил оттуда уже их другом. Не брезговал контактами ни с кем. Моим любимым местом стал рынок Дундань шичан, куда по вечерам приезжали и приходили простые чернорабочие, которые заслуженно заканчивали свой рабочий день, отдыхали, сидели, ужинали. Мы много беседовали и ели вместе, несмотря на то, что я был высоким, сухопарым молодым человеком, и явно не китайцем по внешности. И какая-то устанавливалась глубокая связь с этим простыми людьми. Было у меня такое любимое место в Пекине – Дундань.

ВГ: Выходит, у Вас был самый широкий круг общения: от простых китайцев-чернорабочих, до преподавателей, высокопоставленных чинов и военных. И все они могли Вас чему-то научить.

ГМ: Да, все меня учили. Рабочие, например, учили даже, как нужно есть разные простые блюда китайской кухни. В это же время я познакомился с замечательным человеком, глубочайшим знатоком китайского языка, пекинским старожилом Константином Викторовичем Мильским (китайское имя Ми Лэ-сы).¹⁷ Мы с Костей стали переводить статьи, заметки, различные

---

¹⁷ Мильский К.В. (1916 -). М.р.: Одесса. Писатель-китаевед, переводчик. В 1930 г. выехал с матерью в Шанхай, потом жил в Харбине. После японской оккупации Харбина уехал в Пекин, окончил Пекинский колледж коммерции и финансов (1936). Изучал средневековое право в Тяньцзине. Учился в Школе по подготовке кадров КПК. Был похищен финансируемой Чан Кай-ши секретной фашистской организацией и провёл 7 лет в

«мелочи» в появившейся тогда газете «Дружба».¹⁸ Я стал там очень активно сотрудничать, и это был уже какой-то опыт письменного перевода... Мы с ним очень подружились в Пекине. У нас был общий «предмет» любования и восхищения – моя жена. Костя был влюблён в неё, но не более того...

Костя Мильский был в кадровом составе (при КПК) ещё со времён «особого района», жил, работал и учился в Яньани. После 1949 г. преподавал русский язык в сельхозакадемии в Пекине. Опытный «революционер» из среды русских эмигрантов, по возрасту старше меня, замечательный человек по своим личным качествам, глубочайший знаток китайской литературы, которого я глубоко уважаю. У него было уникальное собрание китайской классики. Особенно он увлекался темой китайской эротики, имел уникальные книги. Очень жаль, что все эти книги реквизируют, когда он выезжал в Шанхай, а из Шанхая – в Париж. После этого он работал в Париже, и мы с ним встречались, беседовали в Москве... Китайская эротика – страшно интересная вещь, вообще говоря!

ВГ: Сейчас это модная тема, но тогда, наверно, всё было наоборот.

ГМ: Да, тогда это была «не модная» тема. Настоящая «контрреволюция».

ВГ: Какие ещё интересные события происходили в Вашей жизни в те годы? Наверно, не так уж легко и просто выстраивались Ваши отношения с советской стороной?

ГМ: Мы зарегистрировались с Таей в советском консульстве, в посольстве. Консулом тогда был Рахманин Олег Борисович.¹⁹ Но они (посольские) существовали отдельно. Рядом был наш Советский клуб, где и собирались мы, жившие в Китае советские граждане.

ВГ: Когда Вы получили советское гражданство?

МГ: Это было намного раньше, ещё в Харбине. В 1946 году, когда мне исполнилось 16 лет, я получил советский паспорт. Но какой это был паспорт – по этому паспорту (совзагранвиду) я был ограничен в правах и, например, не мог уехать в Советский Союз. Были с этим тонкости всякие. Чувствовался «холодок». В общем, с советскими в Китае я контактировал мало и неохотно. Официального общения у нас с ними особенно и не было. А, вот, сотрудники посольства СССР в Пекине приходили в наш клуб. В клубе у нас были хорошие артисты, группа из специалистов-«харбинцев», которых пригласили китайцы. Мы давали спектакли, устраивали замечательные вечера. И посольские всегда с

заклучении. После освобождения изучал классическую китайскую литературу в Пекинском университете. С 1949 г. руководитель русского отделения в одном из вузов Пекина. Был арестован, провел 10 лет в маоистских политических тюрьмах. Освобожден в 1965. В 1966 эмигрировал во Францию. Жил в Медоне (под Парижем). Выступал в Париже в Союзе русских инженеров с докладами о Китае (1971, 1972). Защитил диссертацию в Высшей школе политических и социальных наук (1974). Издал ряд книг по Китаю, теории и практике перевода с китайского языка. Писал под псевдонимом Константин Рисов. Источник: <http://dommuseum.ru/slovarx/person.php?id=11057>

¹⁸ Газета «Дружба» выходила в Пекине в 1950-х годах на русском языке.

¹⁹ Рахманин О.Б. (1924-2010). Советский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол (1985). Китаевед, д.и.н. (1975), профессор (1977). В 1951-1958 и 1960-1963 гг. работал в посольстве СССР в Пекине.

удовольствием приходили и присутствовали. Но любви между нами не было. Точно.

В это время произошло ещё одно важное для меня событие – я стал работать переводчиком, сочетая это с работой в Пекинском университете и «Вэньхуа бу». Переводили вместе с Костей, сначала он меня к этому приобщил, руководил мною. Занимаясь активными переводами с китайского языка на русский язык, я заложил основу для уже советского периода своей жизни. Затем наступил 1954 год. Власти СССР призвали русских людей к возвращению из Китая, к участию в освоении целинных и залежных земель. После этого из Шанхая и со всего Китая потянулся русский люд которые выезжали через Пекин в СССР с паспортами, с этими «совзагранвидами» на руках.

ВГ: Наверно, решение вернуться на историческую родину далось Вам нелегко, не в один день оно было принято?

ГМ: Конечно! Я всё же решил, что нужно поехать в СССР. Зачем сидеть здесь, в Пекине? Хотя в Пекине условия для жизни были просто сказочные. Вы, наверно, не можете представить, что в Пекине тогда было всё, что только пожелаешь. Было изобилие всего, включая почёт и уважение.

ВГ: Политика «трёх красных знамён»,²⁰ в том числе «большой скачок», тогда ещё не начались. Поэтому и изобилие можно представить. Это был «китайский НЭП», должно быть.

ГМ: «Китайский НЭП», да. Пекин был завален иностранными товарами, особенно американскими. Потому что во время эвакуации из Пекина в конце 1948 года американцы всё бросили, оставили свои огромные запасы. Я, к слову сказать, лет 15 потом носил в Советском Союзе американскую лётную куртку – великолепную, лёгкую, утеплённую...

ВГ: И Вы решились оставить всё это изобилие в Китае, чтобы уехать в СССР?

МГ: Да. Но мы не смогли уехать в 1954 году, потому что китайцы попросили остаться, довести до конца обучение. И нам удалось уехать только в мае 1955 года.

ВГ: И куда же вы направились там, в СССР? В никуда?

ГМ: Почему «в никуда» (смеётся)? Я отправился на Родину, в Россию. А какой она была? Очень грустно говорить о том, какой она была в то время.

ВГ: Не такой, как Вы представляли, в послевоенной разрухе ещё?

ГМ: Да какая разруха! Бедность потрясающая, скудость, серость страшная была. Люди смотрели на всякие китайские вещи как на чудо. Но мы привезли весь свой багаж, получили подъёмные на семью, всё как полагается. Мы попали в Варненский район Челябинской области, у самой границы с Казахстаном. Там был создан зерновой совхоз, куда нас и направили. Три или

---

²⁰ По инициативе Мао Цзэ-дуна, в мае 1958 г. 2-я сессия VIII съезда КПК одобрила так называемый курс «трех красных знамен» («генеральная линия», «большой скачок», «народные коммуны»). Его суть выражалась так: упорно бороться 3 года и добиться перемен в основном облике больших районов страны. «3 года упорного труда – 10 000 лет счастья».

четыре месяца, которые мы там провели – это были лучшие месяцы в моей жизни!

ВГ: Это Вы без иронии говорите? Правда?

ГМ: Да! Нисколько! Нас поселили в общежитии-бараке, разделённом на небольшие комнатки-отсеки. В общем, можно было жить. Была рядом речка, тишина свежий воздух, покой, совершенно несравнимый с жизнью Пекинского университета. Я занимался там изготовлением кирпичей из самана. Навоз, глина, солома, – там всё намешано было. Замечательное производство! Руководили этой работой два пожилых ссыльных украинца, которые очень хорошо относились к нам. Ко мне, в частности. Но они были ссыльные, очень грустные. Мы же на быках делали весь этот саман – быков гоняли, они ходили и месили его. Потом из всего этого делали такие большие, капитальные блоки, размером в наш двойной или даже тройной кирпич. Рядом жили немцы, тоже вынужденные переселенцы, которых репрессировали и выгнали, поселили туда. Среди широкой степи их усадьба была единственным зелёным уголком, оазисом. После Пекинского университета, после приятной преподавательской работы – месить саман и купаться в речке, отдыхать на природе после немногих часов работы – это было, действительно, одно удовольствие! Когда же прошло несколько месяцев, я сказал директору совхоза: «Вы знаете, я квалифицированный специалист, китаевед, работа здесь меня не очень устраивает». А он был москвичом, тоже командированным, загнанным в те места. И говорит: «Ради бога, уезжайте, куда хотите! Но вам нужно оформить и обменять паспорт, получить нужные документы». И тогда я поехал в свой Варненский райцентр. Варненский – от слова Варна, потому что там жили потомки казаков, которые участвовали в освобождении Болгарии в оные времена.²¹ И там была не одна Варна, там была целая группа деревень с болгарскими названиями. Приехал я в районный отдел милиции и говорю, что мне нужно сделать. Ответ: «Ради бога! Пожалуйста! Заполните анкету и приходите через неделю». Ещё меня заботливо предупредили: «Только не забудьте выписаться! Иначе у вас будут большие неприятности, и вам придётся специально возвращаться для выписки в те места, откуда вы выехали». Отличные мужики, охотники они были. Мы сразу нашли с ними общий язык. И через неделю они сделали мне все документы. И мы с Таюшей, взяв свой чемодан на палку, понесли его на ближайшую станцию Карталы – крупную железнодорожную станцию, но уже в Казахстане. Дошли до станции, сели в поезд и уехали в Челябинск, ближайший крупный город. В Челябинске я пошёл в горком партии и сообщил, что я такой-то и такой-то, приехал из Китая, хотел бы заняться работой по специальности. Ответ: «Боже мой, что Вы! Не беспокойтесь ни о чём! Вы хотите поехать в Москву, так поезжайте в Москву!» Так и получилось, что мы со своими документами поехали в Москву. И начался московский период нашей жизни. Это была осень, конец 1955 – начало 1956

---

²¹ Город Варна был освобождён из под власти Османской империи 27 июля 1878 г., в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

года. И мы уже были «москвичами». Но ни прописки, о которой мы впервые услышали в Москве, ни работы – ничего пока не было!

ВГ: Где же вы остановились в Москве?

ГМ: Мы остановились в знаменитой гостинице «Ленинградская». Вот, такое нахальство было. Но, пожив там некоторое время, почувствовали, что деньги тают. И тогда нашли еврейскую семью, которая с удовольствием дала нам приют в своём небольшом домике в Марьиной роще. Эти хозяева сдали нам комнату, где мы свободненько и расположились. После этого я стал ходить по разным издательствам, редакциям и журналам, и предлагал им свои услуги. Это был малоденежный период. Потому что имевшиеся деньги иссякали. Но Таюша почти сразу, даже без прописки, поступила на работу в ГУМ переводчицей английского. Она же знала несколько языков. А я избрал себе работу «вольного переводчика». Ходил повсюду, знакомился, предлагал свои услуги. Кстати сказать, относились все ко мне великолепно.

ВГ: И много было в те годы такой «вольной» работы?

ГМ: Очень много! Но приходилось вертеться! Я брал столько работы, сколько мог! Начал работать в издательствах, где занимался не только мелкими разовыми переводами, но и стал переводить книги. В частности, перевёл китайскую книгу «Прудовое рыбоводство». Большая книга – хороший заработок! Потом перевёл книгу по китайскому чаеводству. Вот, это были такие работы, которые дали хорошие деньги. Самое главное, у меня появилась постоянная внештатная работа в «Детгизе».²² Когда я в первый раз пришёл в «Детгиз», то встретил там изумительного человека Смуйдритэ Карловну Беркман. Полная, крупная, очень красивая женщина-прибалтийка. Потом мы с ней за несколько лет очень подружились. Но в то время меня «забрили» (забрали) на два месяца, на учебные сборы в армию. Забрали как рядового, так как в то время у меня было всего два курса образования в ХПИ. Но как раз тогда я получил от Смуйдритэ Карловны заказ на перевод своей первой художественной книги, которая называлась «Бессмертный Ван Сяо-хэ».²³ Это была небольшая книжка о молодом шанхайском рабочем, который приобщился к революции, пострадал за неё. В общем, довольно банальный сюжет. Я её перевёл, а потом стал переводить массу маленьких китайских детских книжек. Все они издавались, и это было прекрасно!

ВГ: Была и у меня в детстве любимая книжка китайских народных сказок, которая называлась «Братя Лю» и была издана Детгизом.²⁴

ГМ: Приятно слышать, но это был не мой перевод. Но таких книжечек я очень много перевёл. Работал и как рецензент. В общем, «Детгиз» – это было «моё» издательство, при котором я работал, кормился, получал удовольствие от

---

²² «Детгиз» (основан в 1933 г.) являлся главным издательством детской книги в СССР. Среди всех изданных «Детгизом» китайских детских книг более 40 названий принадлежало центру издательства в Москве, 12 – отделению издательства в Ленинграде. Остальные выпущены совместно и в Москве, и в Ленинграде.

²³ Кэ Лань. Бессмертный Ван Сяо-хэ [Текст] : [повесть / Кэ Лань, Чжао-цзы ; ил.: Л. Кравченко], пер. с кит. Г.В. Мелихова. – М. : Детгиз, 1957. 208 с.: ил.

²⁴ Братя Лю: Китайские народные сказки. – М.: Детгиз, 1955 г.

работы. И коллектив там был очень хороший. Находилось издательство в самом центре, в переулке напротив памятника Дзержинскому. Ещё пару художественных книг я сделал для издательства» «Молодая гвардия». Я не помню названия этих книг, но редактором их был китаист Г. И. Головнёв. Когда я приехал в СССР, это был очень странный период. В Москве была масса безработных китаистов. Они шли работать в редакции, в журналы, потому что не было работы по специальности, и знаний не хватало. С одним из таких китаистов свел судьба и меня. Это был редактор журнала «Вокруг света» Юрий Алексеевич Попков – талантливый и деловой человек. По его приглашению я стал писать для журнала «Вокруг света» свои статьи и очерки о Китае, о различных сторонах китайской народной жизни. Эти статьи шли под моей фамилией и были для меня в тот период самой интересной творческой работой.

ВГ: То есть, Вы стали уже выступать в роли журналиста и автора?

ГМ: Да, Юра Попков меня многому научил, «натаскал»... Чудный человек! Так я и опубликовал три или четыре крупных очерка в этом журнале. Всего же за этот период своей переводческой работы я перевёл на русский язык 13 книг, и не только детских. То есть, у меня уже был солидный переводческий багаж.

ВГ: Как складывалась Ваша работа в дальнейшем?

ГМ: Время шло, и я чувствовал, что нужно заняться более серьёзной работой. Например, стать китаеведом и пойти в науку.

ВГ: Но для похода в науку нужно было ещё какое-то формальное образование.

ГМ: Да, я об этом ещё скажу.

ВГ: В одном из своих интервью китайским журналистам Вы рассказывали, что, приехав в Москву, отправились в Моссовет и предложили свои услуги в качестве переводчика или журналиста. Был такой эпизод в Вашей биографии?

ГМ: Конечно, всё дело было в том, что мы жили без прописки. В Харбине мы жили там, где хотели. И я понятия не имел о том, что такое прописка. А тут была нужна прописка, и мы с Таюшей пошли в Моссовет. Сказали что мы – репатрианты, живём сейчас в частном секторе и просим нам помочь. В то время вышел какой-то правительственный указ о предоставлении каких-то льгот для подобных нам репатриантов. И нам дали большую комнату в коммунальной квартире на улице Кирова (Мясницкой). Жили там очень старые люди, всего три или четыре семьи. И мы туда переехали и стали жить уже со своей пропиской. В коммуналке, конечно, но и это было для нас очень здорово – 22 кв. метра жилплощади в центре Москвы! И после этого я стал думать о том, что делать дальше. Как раз в это время меня пригласили работать в Институт китаеведения АН СССР. А у меня, имейте в виду, было всего два курса институтского образования. Но это меня несколько не тормозило, не сдерживало. Потому что в области китайского языка я чувствовал себя очень уверенно, как царь! Мною было сделано много хороших переводов, и люди ко мне уважительно относились. Опять же, сами институтские китаисты очень слабо знали китайский язык, честно говоря. Поэтому я там выступал как высокий эксперт. Рост у меня высокий – сами знаете, какой! В общем, уверенности у меня было много. Недаром я родом из казаков! Конечно, помимо

этой уверенности в себе, мне помогало очень доброжелательное отношение, которое было со всех сторон. Все коллеги относились ко мне очень хорошо, чувствовали, что я человек «из другого мира». Конечно, то, что я видел в Москве и видел на целине, – всё это было очень тяжелой картиной. Особенно на целине – грубость, мат, пьянство – такие вещи, которые особенно сильно резанули поначалу. Мы же интеллигенты – чёрт возьми!..

Так вот, в 1959 году меня пригласили в Институт китаеведения как специалиста по Китаю, китаиста, переводчика. Моё официальное образование не имело никакого значения. Там был громаднейший отдел, который возглавлял Лазарь Исаевич Думан.²⁵ Замечательный, очень доброжелательный человек, крупный учёный, специалист по древней и средневековой истории Китая. Я был при нём вроде референта. Он просил меня делать всякие научные переводы, выполнять техническую работу. Научно-техническим сотрудником я был, сначала – младшим, а потом – старшим. Около года он привлекал меня к занятиям иньскими надписями «цзя гу вэнь». Я составлял для него картотеки, и всё, что нужно. Но он, по-видимому, не успел воспользоваться этими материалами.

ВГ: Думан владел китайским языком?

Г: Как Вам сказать? Вообще-то он им владел, но я чувствовал в нём больше историка, но не лингвиста или, тем более, носителя языка. В своё время Думан тоже был на практической работе где-то на Дальнем Востоке.

Там, в институте, мы с Лазарем Исаевичем и другими коллегами сделали в своё время очень хорошую и интересную книгу «Внешняя политика Цин в XVII веке»,²⁶ в которой три четверти объёма – это его вклад, включая большой объём чисто технической работы, лично выполненной этим большим учёным. Это была школа! Он написал и основную главу «Внешняя политика Цин в отношении России и заключение Нерчинского договора».

ВГ: В этой книге Вами тоже написаны несколько глав – первая и третья.

ГМ: Да. Вообще, книга была издана накануне моего ухода из института. Спустя десять лет я её перечитал, эта работа мне снова очень понравилась, и я отдал дань уважения моему учителю.

ВГ: Как всё же решился вопрос с получением высшего образования?

ГМ: В то время, помимо работы в институте, я продолжал переводить книги для издательств. Но дальше мне нужно было получить диплом о высшем образовании. Не мог же я всё время быть техническим сотрудником. И Думан помог мне, обратился к руководству института с просьбой, чтобы мне дали возможность поступить на учёбу в Институт восточных языков (ИВЯ). Не знаю, Бог ли мне также помогал. Короче, меня зачислили в этот Институт восточных

---

²⁵ Думан Л.И. (1907-1979). М.р.: Москва. Востоковед, историк и экономист. Д-р ист. наук (1965). Окончил факультет языкознания и материальной культуры Ленингр. гос. ун-та (1930). Преподаватель Ленинградского института живых восточных языков, ЛГУ (1936-41). В 1941-52 гг. служил в армии. Науч. сотр. Ин-та востоковедения (1935-40, 1952-56, 1962-79), зам. дир. Ин-та китаеведения (1956-61). Автор более 80 научных работ по Китаю и соседним странам в древности и новое время.

²⁶ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. / Отв. ред.: Л.И. Думан/ – М., Наука. 1977. 385с.

языков при МГУ на второй курс, для продолжения образования на условиях работы по индивидуальному плану. Но меня обязали сдать все экзамены, все зачёты за первый и второй курсы.

ВГ: В каком году Вас зачислили в институт?

ГМ: Где-то в 1961 году.

ВГ: Как Вам удавалось сочетать работу с учёбой по индивидуальному плану?

ГМ: Мой индивидуальный план заключался в следующем. Я работал в академическом институте. В определённое время приезжал в ИВЯ, общался с преподавателями, договаривался и сдавал им зачёты или экзамены по своему плану и разумению. Эта система меня, конечно, очень устраивала. В учебном институте ко мне, неизвестно почему, тоже относились с большим уважением. Китайская кафедра меня обожала. Надо сказать, что я немало их консультировал. В общем, учёба протекала приятно и гладко. Но приходилось, конечно, и попотеть. Когда я однажды пришёл со своим планом на кафедру истории КПСС, возник сложный момент. Там был какой-то преподаватель с обожжённым лицом – видимо, бывший танкист, ветеран Отечественной войны, видно. Сначала он не хотел со мной даже разговаривать, встретил недружелюбно, настороженно и неохотно: «Как? Что? Вы хотите сдать экстерном экзамен по истории КПСС?! А Вы знаете материал?» Я говорю: «Да, знаю». И стал сдавать экзамен. Ответил один билет. Второй билет. Ещё дополнительные вопросы. Мне уже надоело, ведь и одного билета достаточно! Я впервые почувствовал недружелюбие и уже стал злиться – про себя, конечно. В конце концов, преподаватель сказал: «Да, Вы знаете». Но поставил мне только четверку, разумеется. Был один такой сложный случай. Всё остальное шло «как по маслу»... Таким образом, занимаясь по индивидуальному плану, я и переходил с курса на курс, доучился, сдал государственные экзамены и получил в 1964 году диплом по специальности «восточные языки и литература». С присвоением квалификации референта-востоковеда.

ВГ: Какой была тема Вашей дипломной работы?

ГМ: Тема дипломной работы была посвящена русско-китайским отношениям и истории маньчжуров. Это была та тема, которой я занимался в научном институте у Думана. Думан был руководителем моей дипломной работы, при его благосклонном участии я всё это делал и писал. Короче говоря, мой диплом потом плавно перерос в кандидатскую диссертацию.

ВГ: Когда Вы защитились, и как звучала тема кандидатской диссертации?

ГМ: Тема: «К истории освоения Цинской империей периферии Северо-Восточного Китая: (1583-1689)». А защитил 20 июня 1968 года. Я не торопился и уже старый тогда был.

ВГ: В то время Вам было всего 38 лет!

ГМ: Выдумаете – это мало?

ВГ: Думаю, что мало. Сейчас думаю, что 38 лет – это мало!

ГМ: А чему была посвящена докторская диссертация, которую Вы защитили в 1986 году?

ГМ: Примерно то же самое – один чёрт...²⁷

ВГ: Как складывалась Ваша собственная научная работа в 1960х годах?

ГМ: Где-то в середине 1960х годов, когда у нас возникла полемика с маоистами (Тихвинский тогда возглавлял всю нашу работу), я опубликовал очень много статей. Причём, прямо скажем, не халтурных, а очень серьёзных статей по истории маньчжуров, по истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура, по русско-китайским отношениям, и так далее. Естественно, по территориальным вопросам я был на советской стороне. При этом был объективным учёным. Халтурные вещи или политические спекуляции я не мог писать. У меня была очень серьёзная исследовательская база.

ВГ: То есть, Вы работали по первоисточникам, по династийным историям, «достоверным записям» (ши лу), по эпиграфике.

ГМ: Вот именно, в этом всё и дело! В это время я как раз написал две статьи в сборник «Маньчжурское владычество в Китае».²⁸ Хочу сказать, что мне не стыдно за них. Потому что это научные статьи. Там были очень интересные схемы и карты. Занявшись историей маньчжуров, я совершенно спокойно показал, что маньчжуры сформировались вот тут, у Минской стены в Ляодуне. Отсюда Нурхаци и Абахай²⁹ предпринимали объединительные походы, консолидируя многолюдные племена на китайской периферии. Но оттуда было ещё далеко до Амура, очень далеко!.. Хочу сказать, что я, наверно, единственный в СССР, кто прочитал все хроники первых маньчжурских государей (ши лу). Это сотни томов, начиная с Тайцзу, с Нурхаци и Абахая, вплоть до Шэнцзу (императора Канси).³⁰ Все эти хроники периода с 1599 по 1700 гг. я проштудировал, выделил из них все нужные материалы, не пропустил ни одной фразы с упоминанием России и Китая. Перевёл и сделал сборник цинских материалов о русско-китайских отношениях, который так и остался в рукописи. Не знаю, как у меня хватило сил на такую работу. А потом времена изменились, начались новые отношения...

ВГ: Где сейчас эта рукопись?

ГМ: Она у меня лежит. Это научная бомба, потому что там скрупулёзно, по-научному переведён с китайского на русский огромный пласт документов, связанных с маньчжурско-русскими отношениями в XVII веке.

ВГ: Надо бы издать их, есть такая возможность?

ГМ: А не рано ли?!

ВГ: Вы думаете, что рано?

ГМ: Я написал это очень давно. 250 или 300 страниц. Простудировал источники на самом высоком уровне.

---

²⁷ Докторская диссертация Мелихова Г.В.: «Россия и Цинская империя на Дальнем Востоке (40-80-е гг. XVII в.)». – М., 1986. 390 с.

²⁸ Маньчжурское владычество в Китае. – М., 1966.

²⁹ Нурхаци (1559-1626), Абахай (1592-1643). Отец и сын. Маньчжуры. Основатели маньчжурского государства и династии Цин (с 1636).

³⁰ Император Канси (1654-1722), посмертное храмовое имя Шэнцзу, правитель маньчжурской династии Цин. Эпоха правления Канси (1661-1772) считается «золотым веком» императорского Китая.

ВГ: И все-таки, в чём суть, в чём состоит упомянутая Вами «бомба»?

ГМ: Суть в показе на научной основе того, как на самом деле зарождались и развивались в XVII веке маньчжурско-русские отношения. «Бомба» в том смысле, что это уникальная подборка китаеязычных документов и материалов в переводе на русский язык. В рукописи осталась и другая большая работа «Россия и Цинская империя на Дальнем Востоке» (докторская диссертация), где все эти сюжеты довольно объективно и спокойно показаны и описаны «из русского угла».

ВГ: Вопрос по поводу объективности. В 1960-1970х годах опубликованные Вами статьи, особенно касавшиеся территориальных проблем, очень внимательно изучались китайской стороной. В то время китайцы вас очень здорово ругали и критиковали. Называли «советским ревизионистом». Вы знали об этом? Как Вы к этому относились? Обижались на такую критику?

ГМ: Все мы тогда были для них «советскими ревизионистами». Слышал мельком и не думал об обидах – времени не было. Важна была суть дела. А эта суть заключалась в том, что у китайских историков был в то время низкий уровень научных публикаций. Да и политика – не мягкое ложе. В целом, за это время, с 1960 до примерно 1980 года, я опубликовал в разных сборниках около 14 крупных статей. Все эти статьи цитируются в книге Ван Ци.³¹

ВГ: Где Вы обычно находили материалы для работы?

ГМ: В Синологической библиотеке.³² Сначала она находилась в институте китаеведения, где я работал. Потом полностью переехала в институт Дальнего Востока (ИДВ РАН).

ВГ: Помимо Л.И. Думана, кого из работавших в те годы вместе с Вами коллег Вы вспоминаете с особой теплотой и уважением?

ГМ: Было очень много талантливых людей. Единственным их узким местом был китайский язык. Но это чисто наживное дело. С глубоким уважением я вспоминаю Леонарда Сергеевича Переломова.³³ Это очень деликатный, умный, знающий и очень хороший человек, который занимался китайскими религиями, конфуцианством. Список его трудов Вам, конечно, известен. Очень уважаю его как китаеведа, за глубочайшее знание языка, за то, что просто хороший мужик. Мы с ним настоящие друзья. Долгое время собирались на рыбалку, но так, по моему, и не собрались. Не хочу называть имён, но в своё время у нас были люди, которые прозвали таких глубоких, погружённых в свою тему исследователей «гробокопателями». Сами они при этом копались в

---

³¹ Ван Ци. Проблема восточного участка китайско-российской границы глазами китайских, российских и западных учёных. – М., 2010

³² Синологическая библиотека – отдел библиотечно-библиографического обслуживания при Институте Дальнего Востока РАН, располагающий 200-тысячным специализированным фондом книг и документов. Основу библиотеки составили книги на китайском языке и книги о Китае на русском и западных языках, переданные из Института востоковедения, Фундаментальной библиотеки общественных наук, библиотек Русской духовной миссии в Пекине и Генконсульства в Харбине. Источник: http://www.inion.ru/index.php?page_id=381

³³ Переломов Л.С. (1928 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1970). Сотрудник ИДВ РАН с 1971 г.

англоязычных работах о Китае. Круг этих авторов и работ всем также известен. Это были и есть талантливые люди, но мне они не симпатичны...

Олег Ефимович Непомнин³⁴ – вот, это умный человек и крупный учёный. Он занимается в основном социальной историей. Молодец, молодец! Ну, конечно, Тихвинский Сергей Леонидович³⁵ – он на первом месте. Учёный, который занимался тогда русско-китайскими отношениями и очень активно выступал против маоизма. Издал сборники «Документы опровергают»³⁶ на трёх языках: английском, французском и немецком. Дальше опубликовал ещё одну книгу на двух языках. Публиковал он и мои статьи, спасибо ему! Недавно в России появилась на русском языке книга «Проблема восточного участка китайско-российской границы». Автор – китайка Ван Ци.³⁷ Там перечислены и все мои статьи тех лет по этой теме, 14 статей. То есть, они попали в фокус внимания китайцев.

Юрий Мисакович Гарушянц.³⁸ Увиделись мы с ним во время моих работ по переводам различным. Попал я к Николаю Герасимовичу Сенину,³⁹ который очень охотно принял меня и дал две или три статьи по китайской философии, попросив их перевести. Думаю, они были потом использованы Сениным. В общем, из-за Сенина мы и познакомимся с Гарушянцем. Когда я перевёл статьи (что-то про конец XIX века, «движение самоусиления»⁴⁰ и т.п.), написанные непростым полувэньянем, он передал их на рецензию Юрию Мисаковичу. Отзыв был очень хороший, но лицо у него (Гарушянца) было кислое. То ли он думал, что буду перебежать ему дорогу или мешать ему. В любом случае, я глубоко уважаю его, он знал язык. И потом, в отделе Китая он был одним из лучших, блестящих учёных. Мы с ним частенько общались чисто по-человечески. А начало нашего знакомства было именно такое. Помню, когда я работал в отделе Китая, в институте Востоковедения, у нас была то ли ёлка, то ли какое-то торжество или капустник, на котором прозвучал такой куплет:

---

³⁴ Непомнин О.Е. (1935 г.р.). Китаевед, выпускник ИВЯ при МГУ (1958). Д.и.н. (1984). Сотрудник ИВ РАН с 1962 г. Эксперт по социально-экономической истории Китая.

³⁵ Тихвинский С.Л. (1918 г.р.). М.р.: Петроград. Дипломат, Китаевед, д.и.н. (1953), академик АН СССР (1981). Чрезвычайный и Полномочный Посол (с 1966). Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

³⁶ Документы опровергают: против фальсификации истории русско-китайских отношений. – М., 1982. 511с.

³⁷ Ван Ци. Проблема восточного участка китайско-российской границы глазами китайских, российских и западных учёных. – М., 2010

³⁸ См. сноску 1.

³⁹ Сенин Н.Г. (1918-2001). Китаевед, д.филос.н. (1964), историк китайской общественно-политической и философской мысли XIX-XX вв., сотрудник ИФ АН СССР/РАН с 1951 г.

⁴⁰ Первое реформаторское движение в Китае под названием «движение по усвоению заморских дел» (янью юньдун) или «политика самоусиления» (цзы цян) проводилось правящими кругами империи Цин на протяжении 1860-1890х гг. с целью усиления мощи государства перед лицом внутренних смут и внешних угроз со стороны западных держав.

«Вот исторический пасьянс – Кукушкин, Глунин,⁴¹ Гарушянц». Очень талантливыми людьми все они были...

Со Станиславом Кучерой⁴² мы сидели лет пять или шесть в одной комнате. Он всё время был погружён в свою серьёзную работу по китайской древности. Круг проблем его был от меня довольно далёк. Но как учёного я его очень уважаю. Очень сдержанный и преисполненный самоуважения человек. Раньше я не знал, что он учился в Пекинском университете и преподавал польский язык в Китае. Молодец! Ещё больше его уважаю за это!..

Да! Прочёл интервью с Вашей матушкой, Лидией Ивановной! Она дала замечательный анализ конфуцианской и даоистской мысли! Я готов подписаться под всеми её высказываниями, новаторская работа! Потом, видна мягкость суждений, воспитанность. Я очень высокого мнения о Вашей маме!⁴³

ВГ: Спасибо за такую высокую оценку!.. Позвольте вернуться к Вашей судьбе. Вы говорите, что были очень востребованы в Китае и СССР, всё складывалось удачно. Но был в Вашей жизни и драматичный период, трудности и обороты событий, с которыми приходилось сталкиваться и мириться. Был тяжёлый период, когда из-за политических споров случился почти полный разрыв советско-китайских отношений, который так негативно повлиял на наши страны и на Вашу личную судьбу. Вместо того, чтобы и дальше быть «золотым мостом», как говорят китайцы, Вы оказались в каком-то «вакууме». Как Вы пережили эти годы, эти разочарования?

ГМ: О, да! Я очень много потерял. Я потерял практически всё! Весь мой китайский язык подзабыл. Я, конечно, сейчас говорю, когда приезжаю в Китай. Но уже нет той лёгкости, беглости, уверенности в языке, которая была. То есть, в то время я не занимался, не имел связей с живым Китаем. Как раз в это время я перешёл работать в знаменитый Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО АН СССР).

ВГ: Какие причины побудили Вас к переходу в новый институт?

ГМ: Были глубокие причины. Во-первых, внешние причины. В то время в отделе Китая уже был десяток молодых кандидатов наук. И никакого прогресса, движения у нас не было. В самом институте была сложная обстановка, никто не рос, никого не продвигали дальше. Понимаете? Работаешь младшим научным сотрудником – значит, и умрёшь им.

ВГ: Иначе говоря, не было перспективы для научного роста?

---

⁴¹ Кукушкин К.В. (1926-2010). Китаевед, к.и.н. (1955). Научный сотрудник ИДВ РАН с 1967 г.; Глунин В.И. (1924-2004). Китаевед, д.и.н. (1977). Научный сотрудник ИДВ РАН с 1966 г.

⁴² Кучера Станислав-Роберт. (1928 г.р.). М.р.: Львов. Китаевед, д.и.н. (1981), профессор (1998). Окончил Варшавский университет (1952). Аспирант Пекинского университета (1953-1960). Научный сотрудник ИВ РАН с 1967. Специалист по древней истории и археологии Китая. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

⁴³ Имеется в виду Головачёва Лидия Ивановна (1937-2011). Китаевед-историк, философ, переводчик. К.и.н. (1981). Выпускница Восточного факультета ЛГУ (1975). Специалист по новейшей истории, древней философии (Конфуций, Лаоцзы) и письменности Китая. Мать китаеведа Головачёва В.Ц. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

ГМ: Абсолютно! Как раз в это время меня пригласил Дмитрий Васильевич Петров, заведующий отделом Дальнего Востока ИМЭМО. Пригласил меня на должность старшего научного сотрудника.

ВГ: То есть, с повышением?

ГМ: Не просто с повышением. Это был скачок с громадным повышением, с должности младшего научного сотрудника на должность старшего. Зарплата тоже сразу возросла вдвое. В ИМЭМО я стал заниматься чрезвычайно интересными вещами. За мною в изучении международных отношений «большого четырёхугольника» (СССР, США, Китай, Япония) был закреплён «китайский угол». Из этого «китайского угла» я изучал все процессы, которые происходили в области отношений упомянутых четырёх держав. Там мы постоянно строили разные треугольники, «четырёхугольники», прочие фигуры и модели. Эти наши экспертные оценки по всем странам и периодам шли потом в ЦК КПСС и т.д. Начиная, скажем, с визита Никсона в Китай и кончая Вьетнамом, Камбоджей и Лаосом. Все внешнеполитические проблемы Дальнего Востока и ЮВА проходили через меня, поскольку в ИМЭМО я представлял именно этот аспект всей нашей работы. Я оценивал все происходившие в регионе процессы из области международных отношений, используя для этого имевшиеся у нас богатейшие источники.

ВГ: Легко ли было приспособиться к работе в стенах ИМЭМО?

ГМ: Я был тогда совершенно «зелёным» и, конечно, ещё не стал экспертом в международных отношениях. До этого я много лет «сидел» на маньчжурах и русско-китайских отношениях, поэтому была своего рода китаеведческая «узость». А тут для меня открылся «океан» международных отношений, весь мир, в том числе очень интересный «китайский угол». В общем, работа в ИМЭМО в те годы открыла для меня совсем другой мир – мир блестящих учёных-международников, мир большой международной политики...

Хочу в связи с этим рассказать про первое заседание, в котором я участвовал. Едва я пришёл в 1970 году к Петрову, как был назначен «ситуационный анализ» – очередной семинар для рассмотрения очередного узлового вопроса американско-вьетнамско-китайских отношений. Я сижу на этом «ситанализе», а прямо напротив меня садится директор института, академик Николай Николаевич Иноземцев.⁴⁴ Очень серьёзный учёный-международник, член ЦК КПСС. Сидел и всё время, пока я делал свой доклад, пристально смотрел на меня. И этот момент я запомнил на всю жизнь. Потому что я был всего лишь начинающий международник, а тут зашёл директор, сел напротив меня и смотрит оценивающе. Какая фигура, какая внешность! Смуглый человек, тёмные глаза, пристальный безотрывный взгляд. Какая-то была сила в этом взгляде! Через 6-7 лет он заболел, но на излёте своей карьеры Иноземцев сделал две замечательные вещи. Во-первых, построил новое здание ИМЭМО, которое и сейчас стоит там, на своём месте. Во-вторых, он дал сто квартир всем людям, которые работали тогда в институте и нуждались в улучшении

---

⁴⁴ Иноземцев Н.Н. (1921-1982). Советский экономист и политолог. Директор ИМЭМО с 1966 г. Академик АН СССР (1968).

жилищных условий. Вы не можете себе представить, что это такое – 100 квартир – в то время! И я получил тогда свою первую отдельную квартиру. А ордер на эту квартиру вручил мне с поздравлениями уже новый директор ИМЭМО – Евгений Максимович Примаков.⁴⁵ Отношения у меня с Примаковым были прекрасные. Но это был очень большой человек...

ВГ: «Китайским углом» и «ситанализаами» Вы занимались, таким образом, почти 10 лет. По какой причине Вы потом ушли из ИМЭМО? Наверно, для этого тоже были свои серьёзные причины?

ГМ: Это была интересная работа, в общем-то, и деньги хорошие платили. Все перипетии китайско-американских отношений, шаг за шагом, всё это проходило перед моими глазами. Было очень интересно, и я чувствовал себя очень комфортно в своём «китайском углу». Но под конец мне как-то всё это поднадоело! Политика, одна политика, ТАССовские и иностранные материалы. Издавали мы, конечно, в те годы и книги. Но стала уходить острота тем. Рутинная, застой какой-то ощущался.

ВГ: И Вы стали думать, как жить дальше?

ГМ: Об этом я стал думать ещё раньше! Думать, что надо переходить в институт истории СССР АН СССР. Конечно, это был знаменитый институт. Но, ведь, и я изучал русско-китайские отношения, получил хорошую подготовку как международник. В общем, мне это удалось. В ИИ СССР меня тепло встретил Алексей Леонтьевич Нарочницкий (1907-1989).⁴⁶ Очень крупный учёный-международник. В основном специалист по западным международным вопросам. У него есть колоссальный научный труд про политику капиталистических держав на Дальнем Востоке.⁴⁷ Он принял меня в институт, и это был лучший директор в моей жизни. Почему? У него было для меня всё! Что я ни предложу – хорошо! Давай! Добро! Давайте, работайте!.. Это было замечательно! Хотя сам он был человеком очень жёстким. И многие до сих пор работающие в институте коллеги «имеют зуб» на него. У нас же с ним были изумительные отношения, какое-то доверие, очень важный контакт. В науке я никогда не торопился. Но именно в этом институте я написал уже свою докторскую диссертацию о России и Китае на Дальнем Востоке, где были затронуты и пограничные, и общие исторические вопросы. Это была абсолютно «пророссийская работа», выполненная на хорошем материале. Сама тема была деликатной, поэтому работа была депонирована, но не опубликована.

ВГ: Выходит, Вы уже 32 года работаете в этом институте?

---

⁴⁵ Примаков Е.М. (1929 г.р.). М.р.: Киев. Востоковед-арабист, Окончил МИВ (1953). Д.э.н. (1969). Профессор (1974), академик АН СССР (1979). Министр иностранных дел РФ (1996-1998). Председатель правительства (премьер-министр) РФ (1998-1999).

⁴⁶ Алексей Леонтьевич Нарочницкий (1907-1989). Советский историк, академик АН СССР (1972) и АПН СССР (1968), специалист по внешней политике России первой трети XIX в.. Автор фундаментальных трудов по международным отношениям, руководитель издания дипломатических документов внешней политики России XIX в.

⁴⁷ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860-1895. – М., 1956.

ГМ: Да, я даже председателем профкома института одно время был. Но у меня сохранились и давние связи с институтом востоковедения (ИВ РАН), я участвовал в ежегодных конференциях «Общество и государство в Китае». Друзья у меня там остались. Например, А. А. Бокщанин,⁴⁸ очень хороший человек, блестящий специалист. Мы с ним тоже дружны. А знакомы-то, наверно, с 1958 года! И в книге о внешней политике империи Цин у нас есть совместные главы, написанные на общих источниках и материалах.

ВГ: Когда в Ваших работах стала всплывать «харбинская» и «эмигрантская» тема? Это же целая эпоха в Вашей научной жизни, как она начиналась?

ГМ: Да, это целая эпоха! Она началась того, что я родился в Харбине! И всё, что связано с Харбином, доходило до меня многие годы и где-то оседало. В 1991 году я выпустил книгу «Маньчжурия далёкая и близкая».⁴⁹ Хорошие были связи с издательствами, в особенности с Олегом Константиновичем Дрейером.⁵⁰ Ему я обязан тем, что в трудное, совершенно «глухое» время, он позволил мне опубликовать эту книгу. Время было ещё такое, что тема эмиграции не могла пройти утверждения ни в ЦК, нигде! Абсолютно закрытая была тема. А мне удалось написать и издать очень неплохую книгу, где объективно показана эта русская эмиграция. И я намеренно представил её, имея в виду дальнейшее продолжение, с начала строительства КВЖД в 1898 г. до 1917 года. После японо-китайской войны 1894 года и заключения ряда соглашений между Китаем и Россией, в Маньчжурии началось активное строительство железных дорог. Напомню, что в это время в Маньчжурии появились оба моих деда, и отец мой там родился. Поэтому тему эту я воспринимал близко к сердцу и «горячо».

ВГ: А почему было выбрано такое название: «Маньчжурия далёкая и близкая»?

ГМ: Потому что для меня Маньчжурия была родной и близкой стороной, которую я хорошо знал, где жили мои русские и китайские друзья. Мне хотелось обязательно отразить в своей книге эти два основополагающих элемента нашей общей дружбы. Замечу, что этот момент дружбы и сотрудничества проходит через все мои работы. Но при этом для читателя-москвича, для всех живущих в СССР (России), Маньчжурия – это очень далёкий край. Поэтому я и придумал такое название...

ВГ: Потом, вслед за этой книгой, появились и другие, как продолжение?

ГМ: Это была «затравка», в которой вся история КВЖД была изложена по главам. Но история КВЖД, не как железной дороги, а как история русских в Китае.

---

⁴⁸ Бокщанин Алексей Анатольевич (1935 г.р.). М.р.: Москва. Окончил ИВЯ при МГУ (1958). Д.и.н. (1985), профессор. Работал в Институте китаеведения с 1958 г., в ИВ АН СССР с 1961 г. Заведующий отделом Китая ИВ РАН (1990-2011). Специалист по истории династии Мин. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

⁴⁹ Мелихов Г.В. Маньчжурия далёкая и близкая. – М.: Наука, 1991. 317 с. То же: 2-е изд. – М.: Главная редакция восточной литературы РАН, 1994, 317 с.

⁵⁰ Дрейер О. К. (1919-1997). Главный редактор Главной редакции восточной литературы (ГРВЛ) издательства «Наука» (1964-1992), кандидат исторических наук.

ВГ: Менялись времена, менялись и названия Ваших книг. Мне кажется, в советские времена было бы невозможно издать книгу под названием «Белый Харбин». Потом возможность появилась, и Вы издали такую книгу в 2003 г.

ГМ: повторяю, что всё это началось с Дрейера. Он был первым, кто осмелился издать такую, по сути, «белоэмигрантскую» книгу «Маньчжурия далёкая и близкая». С этого всё началось. Это был такой психологический и, может быть, даже политический перелом, после которого сама тема стала с трудом, но открываться. И этой темой я с тех пор занимаюсь. Неужели уже 20 лет? Кошмар!

ВГ: Если та Ваша книга вышла в 1991 г., то сейчас уже 21-й год пошёл!

ГМ: Но это очень интересная, неисчерпаемая тема! Потому что до сих пор почти никто о ней ничего не знает!

ВГ: Насколько я знаю, в последние годы большой интерес к изучению темы русских в Китае проявляют и китайские учёные.

ГМ: Значит, и китайцы открывают для себя эту проблему. Очень хорошо! Для них в прошлом это была тоже абсолютно запретная тема. Все документы и бумаги по ней лежали в китайских спецхранах, в архивах, без права доступа кому бы то ни было. А теперь, значит, они стали это открывать. Сейчас они также уделяют очень большое внимание изучению еврейских эмигрантов в Китае. Но большинство этих эмигрантов в Харбине и Шанхае были «русскими» евреями. Поэтому, будучи в Харбине, я однажды зашёл в местный китайский центр изучения еврейской эмиграции и поблагодарил их за то, что они так хорошо изучили наших «русских» евреев. Выпустили два солидных тома, где собраны биографии, отслежены судьбы очень многих еврейских эмигрантов.

ВГ: В своей книге про российскую эмиграцию в международных отношениях на Дальнем Востоке Вы пишете, что среди русских эмигрантов в Китае, в том числе и в Харбине, было много известных учёных-китаеведов и востоковедов, объединенных в «Общество русских ориенталистов», «Общество изучения Маньчжурского края» и другие.⁵¹

ГМ: Это были первые и самые старые организации русских востоковедов, которые изучали Китай во всех его проявлениях. В частности, в 1909-1927 годах в Маньчжурии, в Харбине, действовало упомянутое Вами «общество русских ориенталистов» (ОРО). Славным памятником обществу стали составленные им 54 тома солидного научного журнала «Вестник Азии», которому я, как китаевед и профессиональный историк. Даю сегодня высокую оценку.⁵² Различные области истории и культуры Китая плодотворно изучали

---

⁵¹ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925-1932). – М., 2007, С. 207. См. также ссылку на краткий «Предварительный поисковый список востоковедов, покинувших Россию в XIX-XX вв.»: http://old.bfrz.ru/cgi-bin/load.cgi?p=news/proektu_nayk_otdel/rus_nayk_zar_slovar_sorokina/vostokovedu.htm

⁵² Подробнее см.: Мелихов Г.В. Русское китаеведение в Китае: мост дружбы // Китай и Россия в XXI в. – М., 995, Ч.2, С.65-70.

всемирно известные синологи П.В. Шкуркин,⁵³ И.Г. Баранов, А.П. Хионин,⁵⁴ С.Н. Усов,⁵⁵ В.Г. Савчик,⁵⁶ Авенариус⁵⁷ многие другие.

ВГ: Среди имён известных востоковедов Вы вспоминаете и имя С.М. Широкогорова.⁵⁸

ГМ: Это был крупный востоковед-этнолог, но несколько далёкий от маньчжурского научного сообщества. Он жил и работал в основном в Пекине, хотя тоже занимался малыми народами. Долгое время забытый, но блестящий автор. Среди русских востоковедов в Китае таких замечательных фигур и крупных имён мирового уровня было очень много, не один Широкогоров. Это не пустые слова. Всё это подтверждается научной литературой.

ВГ: В годы критики в СССР маоизма и китайской «культурной революции» приходилось ли Вам сталкиваться с подозрительным отношением к Вам лично? В Москве? Не были ли Вы в глазах отдельных лиц «китайским шпионом»?

ГМ: Нет, никаким «китайским шпионом» я не был. Хотя уже в наше время, довольно давно, некоторых моих товарищей называли «японскими шпионами». Прозвище «китайского шпиона» как-то не липло ко мне. Все-таки я сам энергично выступал со всякими критическими вещами. Единственное напряжение, которое я ощущал, было связано с партийностью. Я всегда был беспартийным, и даже не стремился вступить в партию (КПСС). Но нужно было защищать докторскую диссертацию, что было почти невозможно без вступления в партию. И всё же меня пропустили без членства в партии. Я ни одного дня не был в партии. Почему? Потому что я не хотел терять массу

---

⁵³ Шкуркин Павел Васильевич (1868-1943). Китаевед, литератор. Окончил Владивостокский Восточный институт (ВВИ) (1903). Служил переводчиком на КВЖД, преподавал в учебных заведениях в Харбине. Имел советское подданство. В 1927 г. уехал в США (Сиэтл). Член-учредитель Русского исторического общества в США.

⁵⁴ Хионин Алексей Павлович (1879-1971) Востоковед, монголовед, Китаевед. Окончил ВВИ (1903) и сразу утвержден в должности ассистента профессора по кафедре монголоведения. На военной, дипломатической и гражданской службе на Дальнем Востоке. С 1921 г. – в Харбине. Вице-председатель ОРО, соредактор журнала «Вестник Азии». В 1925 г. – основатель и директор Института ориентальных и коммерческих наук (ИОКН). Профессор монголоведения в Японо-русском институте в Харбине (1928-36). В 1945-48 гг. – переводчик в советской Главной военной комендатуре в г. Дальнем. Эмигрировал в Австралию (1959).

⁵⁵ Усов Сергей Николаевич (1891-1966). Китаевед-педагог. Жил в Маньчжурии с 1906 г. Преподаватель китайского языка (1922-37). Заведовал курсами восточных языков Юридического факультета в Харбине (существовал в 1920-1937 гг.). Издал серию учебников и учебных пособий по китайскому языку, иероглифике, методике преподавания языков. Репатриировался в СССР (1954), жил в Рязани.

⁵⁶ Савчик В.Г. Китаевед, ученик И.Г.Баранова. Переводчик, составитель учебников.

⁵⁷ Авенариус Георгий Георгиевич (1876-1948). Китаевед-правовед и экономист. Жил в эмиграции в Харбине. Преподавал в ИОКН; в период Маньчжоу диго читал в университете лекции по истории Восточной Азии. Автор трудов по истории судебной и экономической систем Китая.

⁵⁸ Широкогоров (Shirokogoroff) Сергей Михайлович (1887-1939). М.р.: Суздаль. Выдающийся антрополог, этнограф, лингвист и педагог. Исследователь Сибири и стран Дальнего Востока. В 1922 г. эмигрировал в Китай, жил в Шанхае (1922-26). Преподавал в университетах Пекина, Шанхая, Сямыня (Амоя), Гуанчжоу (Кантона). С 1930 г. жил и работал в Пекине.

времени на партийных собраниях и поэтому всячески уклонялся от этого! В разных институтах меня тянули вступить в партию. Но я говорил, что не готов, недостойн, плох, и старался уходить от этого дела. И правильно делал, потому что это были десятки, сотни часов собраний, на которых «переливали из пустого в порожнее». К счастью, все эти «говорильни» меня минули.

ВГ: Когда и как состоялось Ваше возвращение, ваш первый приезд в Китай после отъезда в 1955 году и «культурной революции»?

ГМ: В 1990 году.

ГВ: То есть, это произошло через 25 лет.

ГМ: Да, да. В 1990 году в Китае торжественно отмечался очередной юбилей Харбинского политехнического института. Китайская сторона дала добро на приезд многих людей, которые там учились или работали, которые помнят ХПИ. Были устроены огромные приёмы и высокие встречи. Мой отец был выпускником и известным профессором этого института. Оказалось, что два стареньких человека на том юбилее ещё помнили это! В то время во мне был ещё заметен «китайский запал». На торжественном заседании ХПИ я выступил с речью на китайском языке! Причём эта речь «забила» из меня как фонтан! И всё это было тепло встречено присутствующими.

ВГ: Получается, это Харбин пригласил Вас вернуться в Китай!

ГМ: Да, Харбин. В своё время в Москве тоже организовалась группа бывших выпускников и учащихся ХПИ. От этой группы мы и поехали. Конечно, это была замечательная поездка!

ВГ: Сильно ли изменился Китай за время Вашего многолетнего отсутствия?

ГМ: Во-первых, Китай так и остался для меня родной страной. За две недели, которые я там прожил, я чувствовал себя «как рыба в воде», как у себя дома.

ВГ: И всё же, сильно ли изменился Харбин за 30 лет, пока Вас там не было?

ГМ: Харбин как раз в то время начали сильно ломать. Много старых зданий поломали. И сломали мой дом, в котором мы жили.

ВГ: Вы успели увидеть этот дом?

ГМ: Я увидел его в момент, когда он был уже полуразрушен. Висел балкон. На втором этаже у нас большая квартира была, во весь этаж. Когда дом стали ломать, как раз в это время я и зашёл туда под крики: «Осторожно! Осторожно! Будьте осторожны! Это всё рушится, всё ломается!» Я зашёл, посмотрел и, как Вам сказать, это было очень сильное чувство...

Очень тяжелые воспоминания остались от поездки на кладбище. В Харбине было Старое, и было Новое кладбище. Теперь Новое превращено в спортивную площадку, в парк развлечений. Причём при строительстве были сняты только могильные плиты, большую часть которых использовали для облицовки набережной р. Сунгари. А прах умерших людей не потревожен. Я знаю, что надо пройти от церкви столько-то метров, и там находится могила бабушки. А теперь на месте могилы бабушки – баскетбольная площадка. Конечно, это тяжело! Но ничего не поделаешь! Потому что время идёт, всё меняется. Всё надо строить и ломать. Без этого жизнь никак не обойдётся. А могилы все находятся всё на том же месте, но их закатали под спортивные площадки.

ВГ: В настоящее время Вы возглавляете Московскую ассоциацию бывших харбинцев. Что это за сообщество?

ГМ: Это сообщество наших земляков. Людей, для которых Харбин является родным городом. Но к нам примкнули также много шанхайцев, тяньцзинцев, которые оказались в Москве. Началось это в 1988 году, когда в Новосибирске образовалось общество друзей ХПИ. Потом появилось московское, петербургское общество, и так далее. Мы, старые уже люди (ко мне это не относится, конечно!), встречаемся друг с другом, пьем чай, вьем водку, ведём разговоры. Иногда доклады, встречи всякие интересные были. Приезжали к нам австралийские харбинцы. Духовная связь сохраняется потрясающая! Мы издали два сборника «Харбинцы в Москве».⁵⁹ Это биографии бывших земляков, которые оказались в Москве.

ВГ: А Вы были знакомы с писательницей Натальей Ильиной?

ГМ: Да, я знаком с Натальей Ильиной.⁶⁰ Она просила у нас прощения...

ВГ: За что?

ГМ: За то, что предвзято писала. За её «Возвращение». Заказ у неё политический был, что ли? Она талантливый человек, это самое главное. Но когда она приехала сюда (в СССР), она выступила с очень некрасивыми книгами, которые порочили эмиграцию. Это было несправедливо, это было глупо. И все живущие тут (в СССР) наши были очень недовольны и резко её критиковали. Я так и не понял, зачем это было сделано. Это чувство к ней у меня сохранилось. Однажды мы встретились с Ильиной в доме одной общей знакомой, китаеведа Е. И. Рождественской.⁶¹ И когда я с ней встретился, я просто показал ей, что её не вижу и знать не хочу. Она же начала как-то лебезить. Она нам сказала, чуть не плача, что не знала, что Харбин был такой замечательный город, что такие замечательные люди там жили... А потом она стала по-другому писать. Уже как писательница сгладила всё это и перешла в основном на Шанхай. Но от этого она не стала нам ближе. У неё шанхайская «закваска». Там жила половина бывших харбинцев. Но это был другой мир, космополитичный город, где русские жили в окружении других иностранцев: англичан, французов. Во французской концессии жили. Шанхай – великий город. Когда шанхайцы приезжали в Харбин, они немножко свысока относились...

---

⁵⁹ Харбинцы в Москве: биографические очерки в двух выпусках / РАН, Ин-т рос. истории, Ассоц. «Харбин». – М.: Ассоц. «Харбин», 1997.

⁶⁰ Ильина Наталья Иосифовна (1914-1994). М.р. Санкт-Петербург. Писатель, публицист. Эмигрировала с семьёй в Харбин в 1920 г. С 1936 г. жила в Шанхае. В 1948 г. репатриировалась в СССР. Автор автобиографического романа «Возвращение» (М.: Советский писатель. Кн.1-2, 1957, 1965).

⁶¹ Рождественская (Молчанова) Евдокия Ивановна. 1922 г.р., Китаевед, преподаватель, переводчик. К.филол.н. (1963), доцент (1974). Окончила МИВ (1947). Преподавала в МИВ (1947-1948, 1950-1954), ИВЯ/ИСАА при МГУ (1956-1986).

ВГ: Как складываются Ваши отношения с Русским географическим обществом (РГО)?⁶²

ГМ: Сейчас – никак. Раньше я был членом этого общества, участвовал в докладах и обсуждениях. Сейчас я занят своими делами, а дел у меня очень много.

ВГ: Чем Вы сейчас занимаетесь, и какие у Вас имеются рабочие планы?

ГМ: Раскрывая историю русской эмиграции я, шаг за шагом, дошёл до темы русских в империи «Маньчжоу диго». Это период 1932-1945 гг., по которому имеются изумительно богатые и интересные русские и японские материалы. Сам этот период очень богат историческими событиями. Началась война в Азии и на Тихом океане, – всё это отражалось, «кипело» в русском анклав. Так что, я пока смог только до 1937 года написать. И то – это 600 с лишним страниц, которые я ещё дорабатываю. Как говорится: «Всё кипит, но всё сырое». А потом, если буду жив и здоров, я хочу написать про период 1937-1945 гг. Это самый интересный период. Такая «ломка» политическая происходила там, в Маньчжурии. Там были Китай, Япония, Советский Союз, эмиграция, Америка. Очень сложная тема! В частности, потому что эмигранты по-разному оценивали происходившие события, и Россию по-разному оценивали. Очень интересно! Но не знаю, как это удастся написать. И ещё осталась очень интересная вещь – где-то в середине этой большой темы надо обязательно написать книгу – «Белый» Харбин: год 1936.

ВГ: Почему?

ГМ: Потому что 1936 год был во всех отношениях ключевым для истории русской эмиграции. Это был год, когда проявился необычайный всплеск русской науки, техники, культуры, искусства. Приезд Ф. И. Шаляпина,⁶³ приезд А. Н. Вертинского⁶⁴ – это лишь отдельные яркие события того года.

ВГ: Почему, все-таки, 1936 год показался Вам таким особенным?

ГМ: Это концентрация, апогей всего того, чего добилась русская эмиграция. И это был последний предвоенный год. А в 1937 году, извините, уже началось вторжение Японии в Китай, началась антияпонская война. Япония, такое «мизерное» государство, естественно застряла в Китае. Куда им Китай?!. Мой папа хорошо сказал: «Для Японии война с Китаем – это война с пространством». На уровне «человек-человек» и «чиновник-чиновник» сами японцы признавали, что война будет ими проиграна. Один японский директор фанерного завода в Харбине, который приютил очень много эмигрантов и максимально обеспечил им условия для жизни, однажды ехал с отцом в машине и, вдруг, говорит: «Да, Япония войну проиграла!» Перепугал отца. Потому что в таких условиях от японца, вдруг, слышать такую речь! Отец, как

---

⁶² Русское Географическое общество. Основано в 1845 г. в Санкт-Петербурге. Одно из старейших географических обществ мира.

⁶³ Шаляпин Фёдор Иванович (1887-1938). М.р.: Казань. Всемирно известный русский оперный и камерный певец (высокий бас). Весной 1936 г. приезжал на гастроли в Китай.

⁶⁴ Вертинский Александр Николаевич (1889-1957). М.р.: Киев. Выдающийся русский эстрадный артист, актёр, поэт и певец, композитор. С 1920 г. жил в эмиграции. В 1935 г. переехал в Китай (Шанхай). В 1943 г. вернулся из Китая в СССР.

он потом рассказал, подумал даже, что это провокация. Видимо, это была выстраданная японцем мысль. Это был 1943-1944 год...

ВГ: Как известно, Вы занимаетесь не только империей Цин или русской эмиграцией. Как один из соавторов книги про Тырские стелы XV века⁶⁵ я хочу искренне поблагодарить за Ваши исследования, статьи и очень точные переводы первой стелы 1413 г. Это было огромным подспорьем в нашей работе.

ГМ: Вы мне льстите.

ВГ: Нет-нет, ни в коем случае! Почему Вы занялись изучением этих стел?

ГМ: Тексты этих стел я изучал по уже существующим публикациям. А связано это было с тем, что я занимался историей маньчжуров. И постепенно от маньчжуров перешёл к ранним Минам, к минской династии. Это была тоже одна из высших точек моего изучения минского Китая. Дальше я не пошёл. Так что, А. А. Бокщанин сделал гораздо больше по изучению Мин, и сделал это замечательнее, чем я. Тут интересен был мой неожиданный выход, перенос фокуса исследований из южной и центральной Маньчжурии к Тырским стелам в низовьях Амура. По времени установка стел совпала с великими плаваниями адмирала Чжэн Хэ⁶⁶ в южные моря и океаны, где Мины, конечно, никого не завоёвывали. Но построили и послали на юг огромный флот, проявили фактор силы. В чём там дело было? Ведь дела в Минской династии шли неважно! Те же чжурчжэни их сильно допекали. И, вот, такие дальние походы они совершали, через пустыни, через тайгу! Какие-то великодержавные, великоханьские, может быть, идеи стояли за этим. И что они дали? Чжэн Хэ многое сделал. Память о нём сохранилась огромная! Конечно, и экспедиции великого евнуха Ишиха тоже оставили след в истории.

Главная мысль, которую я вынашивал и доказывал в те годы, состояла в том, что в Приамурье произошла смычка двух великих цивилизаций – русской и маньчжуро-китайской, цинской. И эта «смычка» имела и сегодня имеет огромное значение для истории всего Дальнего Востока. Отношения между двумя странами были сначала дружественными. Критиковал император Канси за то, что зарываются «руссы». Потом, усилившись, он, видимо, решил вырвать эту занозу. После этого и возник крупный конфликт, из-за которого мы очень много потеряли. Всё пространство к северу от Амура осталось голым. Но интересно, что в то же самое время зарождались торговые, культурные, посольские связи. То есть, уже начался диалог цивилизаций. Центром генезиса всех этих связей был район Амура, Приамурье. И основной осью связей был Амур. Масштабы русской колонизации Приамурья были огромны. По Амуру к

---

⁶⁵ Головачёв В. Ц., Ивлиев А. Л., Певнов А. М., Рыкин П. О. Тырские стелы XV века: Перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. – СПб.: Наука, 2011. 320 с. + 117 рис. Тырские стелы были установлены на Тырском утёсе в низовьях Амура в 1413 г. и 1433 г., в честь постройки и реконструкции храма Великого Покоя, во время экспедиций евнуха Ишиха, посланца императора династии Мин.

⁶⁶ Чжэн Хэ (1371-1435). Знаменитый китайский адмирал времён династии Мин (1368-1644), предпринявший семь крупных морских военно-торговых экспедиций в страны Индокитая и бассейна Индийского океана, вплоть до Мадагаскара и берегов восточной Африки.

XVII веку русские плавали «как цари», а русские казаки «объясачивали» местное население до самой реки Сунгари.

ВГ: Будучи специалистом по российско-китайским отношениям, как Вы смотрите на будущее этих отношений? Не перейдёт ли «стратегическое партнёрство» в «стратегическое соперничество»?

ГМ: Это очень трудный вопрос. Но я думаю, что этого не произойдёт, что наши отношения будут сохраняться в дружеском русле, на нормальном хорошем уровне во всех областях, в том числе, в области культурных, экономических и прочих обменов. Хотя Китай очень силен, он не может рассчитывать на то, чтобы напасть или вторгнуться в Россию. Это исключено. В советское время, работая в ИМЭМО, я прочёл более 500 публичных лекций о Китае и его роли в многосторонних международных отношениях, во всех этих «треугольниках» и «четырёхугольниках».

ВГ: Это были лекции по линии общества «Знание»?

ГМ: Да, по линии общества «Знание».⁶⁷ Мы ездили из Москвы организованным порядком, и выступали в разных краях и областях, перед заранее заказавшими наши лекции слушателями. Я почти всегда читал лекции на темы «Китай сегодня» или «Международное положение». И лично я горжусь тем, что никогда не «нагружал» своих слушателей какими-то там «китайскими угрозами» или какими-то «страхами». Наоборот! Выступая в 1960-1980-е годы перед битком набитыми аудиториями где-нибудь в Хабаровске или Благовещенске, рядом с Китаем, я всегда старался делать это оптимистично, спокойно, уверенно. Ведь я знал Китай! Ну, иногда «пощипывали», конечно, без этого не обойтись. Но, ей-богу! После этих лекций на животрепещущую тему «Китай сегодня» люди уже как-то по-другому смотрели на те же самые вещи. В основном я ездил с лекциями индивидуально, по путёвкам общества «Знание». объездил весь Советский Союз. На дальнем Востоке и в Сибири – там были самые благодарные мои слушатели. Потому что они жили рядом с Китаем. Ещё их пугали Китаем.

ВГ: Ну, а местные «пугальщики» Вас не критиковали за излишний «оптимизм»?

ГМ: Нет! Я убедительно, спокойно всё говорил. Ссылался на свой авторитет, на знание Китая. Использовал своё знание Китая «на полную катушку» и объяснял, что китайцы – такие же люди.

ВГ: Как объяснить, что запугивания «китайской угрозой» звучат до сих пор? Какова основа для продолжения всех этих пустых речей?

ГМ: Основой является действительно большое число и плотность населения трёх соседних с Россией провинций Северо-Восточного Китая, а также объективная необходимость экономического взаимопроникновения наших стран. Однако китайцы занимаются в России полезным трудом. Есть, конечно, случаи хищничества. Но все разговоры о вторжении Китая – просто глупость.

---

⁶⁷ Всесоюзное общество «Знание» – Просветительская организация СССР, возникшая в 1947 г. В начале 1970х Политбюро ЦК КПСС отнесло Всесоюзное общество «Знание» к уровню министерства I категории. Примерно 2/3 лекций были платными, и предприятия перечисляли лектору гонорар. Остальные лекции назывались шефскими и читались бесплатно.

Этого никак не может произойти, потому что Китай, как я уже отмечал, находится в системе многосторонних и многоуровневых международных отношений с ближними и дальними странами. В этих условиях невозможно, нереально развернуть какую-то экспансию или агрессию. Не существует никакой «китайской угрозы», как таковой. Возможно, это выполняют чьи-то заказы отдельные журналисты. Возможно, что и наши бездарные управители Дальнего Востока оказывают всем плохую услугу, способствуя таким разговорам. Думаю, они виноваты в том, что возникает какой-то перекося в восприятии действительной ситуации.

ВГ: Чтобы отвлечься от «китайской угрозы» – как Вы относитесь к китайской кухне?

ГМ: Замечательно! Китайская кухня – самая лучшая в мире! Из самых простых продуктов, например, овощей, курицы или свинины, можно приготовить сотни и тысячи вкуснейших блюд!..

ВГ: Георгий Васильевич, Вы занимаетесь изучением Китая уже 60 лет. Как Вы считаете, наряду с любовью к китайской кухне, что является самым главным в работе китаеведа?

ГМ: Главный метод работы китаеведа – это сидеть на «заднем месте» и изучать источники. Без этого никакие вольные «построения» в отношении Китая не пройдут, потому что на всякое «чихание» в свою сторону Китай может ответить огромным количеством письменных материалов, научной литературы. «Простачком» критиковать Китай – бессмысленно, пустой номер. Во-первых, китайцы – умный народ. Во-вторых, у них есть глубокая внутренняя культура. Полуграмотный владелец маленькой лавочки имеет высокий уровень самосознания, гордости за то, что он – китаец. В Пекине у меня была однажды интересная встреча в такси. Как всегда, еду, болтаю. А шофёр, очень красивый молодой парень, вдруг, говорит мне: «Я – маньчжур». И сообщает, что его предки принадлежали к «Жёлтому с каймою знамени»!⁶⁸ Вот так-то!

ВГ: То есть, чёткая маньчжурская идентичность у него была.

ГМ: Да. А «Жёлтое с каймою знамя» – главное знамя маньчжурской знати. Если вернуться к принципам работы китаеведа, то нужно писать правдиво, достоверно, на большом числе разных источников. Ведь если посмотреть мои статьи периода «критики маоизма», то по ним видно, что хотя, может, и прорвались там какие-то лишние выражения из-за живости моего характера, но в основном это было серьёзно и добросовестно написано. Так что, нужно много сидеть и читать. Другого рецепта я не знаю. Потому что «по верхушкам» Китай не освоишь.

ВГ: Есть ли у Вас свои ученики?

ГМ: Нет, только три или четыре аспиранта есть защитившиеся. Одна аспирантка, которую ко мне распределили в институте, писала диссертацию по

---

⁶⁸ К началу XVII в. войска маньчжуров состояли из 4-х «знамён»: жёлтое (главное), красное, синее, белое. В 1615 г. к ним добавили ещё 4 знамени: тех же цветов, что и первые, но с каймой по краям. После этого они стали именоваться «восьмизнамёнными», а выходцы из «знамённых» составили основу родовой знати в маньчжурской династии Цин (1644-1912).

истории русской разведки за рубежом. Был ещё один кореец, Пак Чон Хе, который защитил сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию по русско-корейским отношениям в XX веке. Много работал по материалам Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)... Вообще, сегодня китаеведение не будет развиваться школами. Оно будет прирастать индивидуальными учёными.

ВГ: Почему? Потому что наступил век всеобщего доступа к информации? Или потому что нет больших учителей вроде Бичурина, Алексеева, Конрада?

ГМ: Вы сами ответили на вопрос! Нет больших учителей. Где они теперь, к сожалению?

ВГ: Но есть, скажем, школа Тихвинского.

ГМ: Школа Тихвинского – это моя школа. Да. В своё время мы работали в одном отделе. Тихвинский тогда «вёл» большой проект по новой истории Китая. И я никогда не забуду такого эпизода: Идёт заседание рабочей группы. Молодые кандидаты критикуют Тихвинского, как говорится, «и в хвост, и в гриву». И вот человек, тогда уже доктор наук, такой большой учёный, сидит – красное лицо, красная шея – сидит и пишет, пишет, записывает все замечания. Вот, как вёл себя Тихвинский! Для меня это ШКОЛА!

Ошибок много было найдено в процессе обсуждения в этой книге по новой истории Китая! Поначалу она была сырой, и наши «молодые волки» в отделе грызли её со всех сторон. А вышла она, конечно, уже хорошей. Посмотрите оглавление, какой там состав участников! Мне также запомнилось, как на одном заседании в отделе Тихвинский во время своего выступления произнёс: «Вот, здесь сейчас сидят будущие кандидаты и доктора наук»... Нам, молодым, это приятно было слышать, и это не пустяк, это был вдохновляющий стимул!

ВГ: Кроме всего прочего, Тихвинский ставил крупные научные цели и консолидировал всех на их достижение.

ГМ: Конечно, он крупный учёный и мог бы создать настоящую школу. Но, вот, Олегу Непомнину принадлежит одно высказывание в адрес Тихвинского, причём, сказанное в лицо: «Вы попрыгунчик! Вы из одного института переходите, в другой, в третий...» Это слова Непомнина. И действительно, если посмотреть послужной список Тихвинского – как он как бы «прыгал» из одного учреждения в другое! Но, безусловно, он настоящий учёный, которого я глубоко уважаю. Очень трудолюбивый, способный, талантливый человек! Умеет сидеть «на одном месте»!..

ВГ: Сейчас, когда в науку приходит новое поколение молодых китаеведов, что ещё можно пожелать им с высоты Вашего огромного опыта?

ГМ: Пожелать? Желая им как можно больше ездить в Китай. Пользоваться каждым случаем, чтобы оказаться в Китае и попытаться проникнуть и влиться в китайскую жизнь. Причём, не с позиций какого-то там «западного» превосходства, а просто по-настоящему узнать и понять Китай. Китайцы – очень талантливые и способные люди, и относиться к ним нужно с должным уважением. Я хочу, чтобы молодые китаеведы никогда не повторили мою историю, когда, находясь в расцвете сил, я был лишён возможности полноценно заниматься Китаем. Заниматься так, как мог, умел и хотел. Чтобы у

них не было тех серьёзнейших испытаний, когда я на восемь лет был вынужден почти полностью прекратить изучение Китая, и занялся историей освоения Россией районов Дальнего Востока. Желая, чтобы у них всё шло более гладко, но чтобы при этом они докучливо, серьёзно и глубоко изучали китайский язык. Может быть, жизнь станет получше, и заиграют у нас ещё молодые таланты!

ВГ: Как Вы оцениваете свой пройденный путь в жизни и китаеведении в целом, основные разочарования, успехи?

ГМ: Я уже говорил, что период вражды между СССР и Китаем – был большим ущербом для меня. Я знаю, что по-другому развернулся бы. Вся жизнь пошла бы по-другому. Я был бы своим человеком среди китайских учёных...

ВГ: Но Вас и сейчас они хорошо знают.

ГМ: Конечно, знают! У меня очень хорошие отношения с китайскими учёными. Была даже попытка одного хэйлунцзянского издательства выпустить мою книгу в переводе на китайский... Но, всё же, сколько времени было потеряно! Оно не было потеряно в научном плане, потому что я занимался своим делом. Но многие возможности были упущены безвозвратно.

ВГ: А что можно сказать про Ваши общие успехи?

ГМ: Я, в общем-то, счастливый человек. Потому что даже в тех труднообразимых условиях «с гражданством, но без прописки» я добился всего, чего хотел. Добился своим трудом. Хотя сотни самых разных людей помогали мне, даже своим добрым отношением. Я ни разу не встретил отношения к себе, как к какому-то «другому». Хотя, конечно, я не хотел вступать в партию... Конечно, я всё же был «другой»...

ВГ: «Другой», но, в любом случае, свой, глубокоуважаемый и дорогой! Спасибо большое за Ваше интервью, Георгий Васильевич!

ГМ: Не за что! Я очень рад познакомиться, буду кланяться и приглашать тебя в китайский ресторан!..

Версия 10.06.2012